

Собрание стихотворений. Том 2. Пламенный круг. Лазурные горы. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://sologubfyodor.ru/> Приятного чтения!

Собрание стихотворений. Том 2. Пламенный круг. Лазурные горы. Фёдор Сологуб

Пламенный круг
Стихи. Книга восьмая

Предисловие

Рожденный не в первый раз и уже не первый завершая круг внешних преобразений, я спокойно и просто открываю мою душу. Открываю, – хочу, чтобы интимное стало всемирным.

Тёмная земная душа человека пламенеет сладкими и горькими восторгами, истончается и восходит по нескончаемой лестнице совершенств в обители навеки недостижимые и вовеки вожделенные.

Жаждет чуда, – и чудо дастся ей.

И разве земная жизнь, – Моя жизнь, – не чудо? Жизнь, такая раздробленная, такая разъединённая и такая единая.

«Ибо всё и во всём – Я, и только Я, и нет иного, и не было и не будет».

«Вещи есть у меня, но ты – не вещь Моя; ты и Я – одно».

«Приди ко Мне, люби Меня».

январь 1908 года

Эту книгу стихов посвящаю

Моей Сестре

Федор Сологуб

I

Личины переживаний

«Я был один в моём раю...»

Я был один в моём раю,

И кто-то звал меня Адамом.

Цветы хвалили плоть мою

Первоначальным фимиамом.

И первозданное зверье,

Теснясь вокруг меня, на тело

Ещё невинное моё

С любовью дикою глядело.

У ног моих журчал ручей,

Спеша лобзать стопы нагие,

И отражения очей

Мне улыбались, благие.

Когда ступени горных плит

Роса вечерняя кропила,

Ко мне волшебница Лилит

Стезей лазурной приходила.

И вся она была легка,

Как тихий сон, – как сон безгрешна,

И речь её была сладка,

Как нежный смех, – как смех утешна.

И не желать бы мне иной!

Но я под сенью злого древа

Заснул... проснулся, – предо мной

Стояла и смеялась Ева...

Когда померк лазурный день,

Когда заря к морям склонилась,

Моя Лилит прошла как тень,

Прошла, ушла, – навеки скрылась.

«Мы поклонялись Владыкам...»

Мы поклонялись Владыкам
И в блеске дня и в тьме божниц,
И перед каждым грозным ликом
Мы робко повергались ниц.
Владыки гневные грозили,
И расточали гром и зло,
Порой же милость возносили
Так величаво и светло.
Но их неправедная милость,
Как их карающая месть,
Могли к престолом лишь унылость,
Тоской венчанную, возвесть.
Мерцал венец её жемчужный,
Но свет его был тусклый блеск,
И вся она была – ненужный
И непонятный арабеск.
Владык встречая льстивым кликом, –
И клик наш соткан был из тьмы, –
В смятении тёмном и великом
Чертог её ковали мы.
Свивались пламенные лица,
Клубилась огненная мгла,
И только тихая Денница
Не поражала и не жгла.
«Когда звенят согласные напевы...»
Когда звенят согласные напевы
□□Ойлейских дев,
И в пляске медленной кружатся девы
□□Под свой напев, –
Преодолев несносные преграды,
□□И смерти рад,
Вперяю я внимательные взгляды
□□В их светлый град.
Отрад святых насытятся дуновеньем,
□□С тебя, Ойле,
Стремлюсь опять, окованный забвеньем,
□□К моей земле.
Во мгле земли свершаю превращенья.
□□Покорен я, –
И дней медлительных влачатся звенья,
□□О, жизнь моя!
«Разбудил меня рано твой голос, о Брама!..»
Разбудил меня рано твой голос, о Брама!
□□Я прошла по росистым лугам,
Поднялась по ступеням высокого храма
□□□И целую священный Лингам.
□□□Он возложен на ткани узорной,
□□□Покрывающей древний алтарь.
□□□Стережёт его голый и чёрный,
□□□Диадемой увенчанный царь.
На священном Лингаме ярка позолота,
□□□Сам он чёрен, громаден и прям..
Я закрою Лингам закрасневшимся лотосом,
□□□Напою ароматами храм.
□□□Алтарю, покрывалу, Лингаму
□□□Я открою, что сладко люблю.
□□□Вместе Шиву, и Вишну, и Браму я
□□□Ароматной мольбой умолю.
«Насытив очи наготою...»
Насытив очи наготою
Эфирных и бесстрастных тел,
Земною страстной красотой
Я воплотиться захотел.
Тогда мне дали имя фрины,
И в обаянии нежных сил
Я восхитил мои Афины
И тело в волны погрузил.
Невинность гимны мне слагала,

Порок стыдился наготы,
И напоил он ядом жало
В пыли ползущей клеветы.
Мне казнь жестокая грозила,
Меня злословила молва,
Но злость в победу превратила
Живая сила божества.
Когда отравленное слово
В меня метал мой грозный враг,
Узрел внезапно без покрова
Мою красу ареопаг.
Затмилось злобное гоненье,
Хула свиваясь умерла,
И было – старцев поклоненье,
Восторг бесстрастный и хвала.
«Нерон сказал богам державным...»
Нерон сказал богам державным:
«Мы торжествуем и царим!»
И под ярмом его бесславным
Клонился долго гордый Рим.
Таил я замысел кровавый.
Час исполнения настал, –
И отточил я мой лукавый,
Мой беспощадно-злой кинжал.
В сиянии цесарского трона,
Под диадемой золотой,
Я видел тусклый лик Нерона,
Я встретил взор его пустой.
Кинжал в руке моей сжимая,
Я не был робок, не был слаб, –
Но ликовала воля злая,
Меня схватил Неронов раб.
Смолою облит, на потеху
Безумных буду я сожжён.
Внимай бессмысленному смеху
И веселися, злой Нерон!
Нюрнбергский палач
Кто знает, сколько скуки
В искусстве палача!
Не брать бы вовсе в руки
Тяжёлого меча.
И я учился в школе
В стенах монастыря,
От мудрости и боли
Томительно горя.
Но путь науки строгой
Я в юности отверг,
И вольною дорогой
Пришёл я в Нюрнберг.
На площади казнили:
У чьих-то смуглых плеч
В багряно-мглистой пыли
Сверкнул широкий меч.
Меня прельстила алость
Казнящего меча
И томная усталость
Седого палача.
Пришел к нему, учился
Владеть его мечом,
И в дочь его влюбился,
И стал я палачом.
Народною боязнью
Лишённый вольных встреч,
Один пред каждой казнью
Точу мой тёмный меч.
Один взойду на помост
Росистым утром я,
Пока спокоен дома

□□□Строгий судия.
Свяжу верёвкой руки
У жертвы палача.
О, сколько тусклой скуки
В сверкании меча!
Удар меча обрушу,
И хрустнут позвонки,
И кто-то бросит душу
В размах моей руки.
И хлынет ток багряный,
И, тяжкий труп влача,
Возникнет кто-то рдяный
И тёмный у меча.
Не опуская взора,
Пойду неспешно прочь
От скучного позора
В мою дневную ночь.
Сурово хмуря брови,
В окошко постучу,
И дома жажда крови
Приникнет к палачу.
Мой сын покорно ляжет
На узкую скамью.
Опять верёвка свяжет
□□□Тоску мою.
Стенания и слезы, –
Палач – везде палач.
О, скучный плеск берёзы!
О, скучный детский плач!
Кто знает, сколько скуки
В искусстве палача!
Не брать бы вовсе в руки
Тяжёлого меча!
Собака седого короля
Когда я был собакой
Седого короля,
Ко мне ласкался всякий,
Мой верный нрав хваля.
Но важные вельможи
Противно пахли так.
Как будто клочья кожи,
Негодной для собак.
И дамы пахли кисло,
Терзая чуткий нос,
Как будто бы повисла
С их плеч гирлянда роз.
Я часто скалил зубы,
Ворча на этих шлюх.
И мы, собаки, грубы.
Когда страдает нюх.
Кому служил я верно.
То был король один.
Он пахнул тоже скверно,
Но он был властелин.
Я с ним и ночью влажной,
И в пыльном шуме дня.
Он часто с лаской важной
Похваливал меня.
Один лишь паж румяный,
Весёлый мальчуган,
Твердил, что я – поганый
Ворчун и грубиян.
Но, мальчику прощая,
Я был с ним очень прост,
И часто он, играя,
Хватал меня за хвост.
На всех рыча мятежно,
Пред ним смирял я злость.

Он пахнул очень нежно,
Как с мозгом жирным кость.
Людьми нередко руган,
Он всё ж со мной шалил,
И раз весьма испуган
Мальчишкою я был.
Опасную игрушку
Придумал навязать
Он мне на хвост: гремушку,
Способную пылать.
Дремал я у престола,
Где восседал король,
И вдруг воспрянул с пола,
В хвосте почуяв боль.
Хвостом косматым пламя
Восставил я, дрожа,
Как огненное знамя
Большого мятежа.
Я громко выл и лаял,
Носясь быстрее коня.
Совсем меня измаял
Злой треск и блеск огня.
Придворные нашлись, –
Гремушка вмиг снята,
И дамы занялись
Лечением хвоста.
Король смеялся очень
На эту дурь и блажь,
А всё-таки пощёчин
Дождался милый паж.
Прибили так, без гнева,
И плакал он шутя, –
Притом же королева
Была совсем дитя.
Давно всё это было,
И минуло давно.
Что пахло, что дразнило,
Давно погребено.
Удел безмерно грустный
Собакам бедным дан, –
И запах самый вкусный
Исчезнет, как обман.
Ну вот, живу я паки,
Но тошен белый свет:
Во мне душа собаки,
Чутья же вовсе нет.
«Струясь вдоль нивы, мёртвая вода...»
Струясь вдоль нивы, мёртвая вода
Звала меня к последнему забытью.
Я пас тогда ослиные стада,
И похвалялся их тяжёлой прытью.
Порой я сам, вскочивши на осла,
Трусил рысцой, не обгоняя стада,
И робко ждал, чтоб ночь моя сошла
И на поля повеяла прохлада.
Сырой песок покорно был готов
Отпечатлеть ослиные копыта,
И мёртвый ключ у плоских берегов
Журчал о том, что вечной мглой закрыто.
«Высока луна Господня...»
Высока луна Господня.
□□Тяжко мне.
Истомилась я сегодня
□□В тишине.
Ни одна вокруг не лает
□□Из подруг.
Скучно, страшно замирает
□□Всё вокруг.

В ясных улицах так пусто,
□□Так мертво.
Не слышать шагов, ни хруста,
□□Ничего.
Землю нюхая в тревоге,
□□Жду я бед.
Слабо пахнет по дороге
□□Чей-то след.
Никого нигде не будит
□□Быстрый шаг.
Жданный путник, кто ж он будет, –
□□Друг иль враг?
Под холодную луною
□□Я одна.
Нет, невмочь мне, – я завою
□□У окна.
Высока луна Господня,
□□Высока.
Грусть томит меня сегодня
□□И тоска.
Просыпайтесь, нарушайте
□□Тишину.
Сестры, сестры! войте, лайте
□□На луну!
«Я жил как зверь пещерный...»
Я жил как зверь пещерный,
Холодной тьмой объят,
Заветам ветхим верный,
Бездушным скалам брат.
Но кровь моя кипела
В томительном огне, –
И призрак злого дела
Творил я в тишине.
Над мраками пещеры,
Над влажной тишиной
Скитались химеры,
Воздвигнутые мной.
На каменных престолах,
Как мрачные цари,
В кровавых ореолах
Мерцали упыри.
Безумной лаской нежить
Во тьме и тишине
Отверженная нежить
Сбиралася ко мне.
И я как зверь скитался
В кругу заклятых сил
И скверною питался,
Но смерти не вкусил.
«Степь моя!..»
Степь моя!
Ширь моя!
Если отрок я,
Раскрываю я
Жёлтенький цветок,
Зажигаю я
Жёлтенький, веселенький, золотой огонек.
Ты цветков моих не тронь, не тронь!
Не гаси ты мой земной, золотой огонь!
Степь моя!
Ширь моя!
Если дева я,
Раскрываю я
Аленький цветок,
Зажигаю я
Аленький, маленький, красный огонёк.
Ты цветков моих не тронь, не тронь!
Не гаси ты мой ясный, красный огонь!

Степь моя!
Ширь моя!
Вею, вею я,
Раскрываю я
Жёлтенькие, аленькие цветки,
Зажигаю я
Золотые, красные огоньки.
Ты цветков моих не тронь, не тронь!
Не гаси ты мой красный, золотой огонь!
«Какие-то светлые девы...»
Какие-то светлые девы
Сегодня гостили у нас.
То не были дочери Евы, –
Таких я не видывал глаз.
Я встретил их где-то далёко
В суровом лесу и глухом.
Бежали они одиноко,
Пугливо обнявшись, вдвоём.
И было в них много печали,
Больной, сиротливой, лесной,
И ноги их быстро мелькали,
Покрытые светлой росой.
Но руки их смелой рукою
Сложил я в спасающий крест,
И вывел их верной тропой
Из этих пугающих мест.
И бедные светлые девы
Всю ночь прогостили у нас, –
Я слушал лесные напевы,
И сладкий, и нежный рассказ.
«Порой повеет запах странный...»
Порой повеет запах странный, –
Его причины не понять, –
Давно померкший, день туманный
Переживается опять.
Как встарь, опять печально всходишь
На обветшалое крыльцо,
Засов скрипучий вновь отводишь,
Вращая ржавое кольцо, –
И видишь тесные покои,
Где половицы чуть скрипят,
Где отсырелые обои
В углах тихонько шелестят,
Где скучный маятник маячит,
Внимая скучным, злым речам,
Где кто-то молится да плачет,
Так долго плачет по ночам.
Лунная колыбельная
Я не знаю много песен, знаю песенку одну.
Я спою её младенцу, отходящему ко сну.
Колыбельку я рукою осторожною качну.
Песенку спою младенцу, отходящему ко сну.
Тихий ангел встрепетается, улыбнётся, погрозится шалуну,
И шалун ему ответит: «Ты не бойся, ты не дуйся, я засну».
Ангел сядет к изголовью, улыбаясь шалуну.
Сказки тихие расскажет отходящему ко сну.
Он про звёздочки расскажет, он расскажет про луну,
Про цветы в раю высоком, про небесную весну.
Промолчит про тех, кто плачет, кто томится в полону,
Кто закован, зачарован, кто влюбился в тишину.
Кто томится, не ложится, долго смотрит на луну,
Тихо сидя у окошка, долго смотрит в вышину, –
Тот поникнет, и не крикнет, и не пикнет, и поникнет в глубину,
И на речке с лёгким плеском круг за кругом пробежит волна в волну.
Я не знаю много песен, знаю песенку одну,
Я спою её младенцу, отходящему ко сну,
Я на ротик роз раскрытых росы тихие стряхну,
Глазки-светики-цветочки песней тихою сомкну.

Тихая колыбельная
Много бегал мальчик мой.
Ножки голые в пыли.
Ножки милые помой.
Моя ножки, задремли.
Я спю тебе, спю:
«Баю-баюшки-баю».
Тихо стукнул в двери сон.
Я шепнула: «Сон, войди».
Волоса его, как лён,
Ручки дремлют на груди, –
И тихонько я пою:
«Баю-баюшки-баю».
«Сон, ты где был?» – «За горой». –
«Что ты видел?» – «Лунный свет». –
«С кем ты был?» – «С моей сестрой». –
«А сестра пришла к нам?» – «Нет».
Я тихонечко пою.
«Баю-баюшки-баю».
Дремлет бледная луна.
Тихо в поле и в саду.
Кто-то ходит у окна,
Кто-то шепчет: «Я приду».
Я тихохонько пою:
«Баю-баюшки-баю».
Кто-то шепчет у окна,
Точно ветки шелестят:
«Тяжело мне. Я больна.
Помоги мне, милый брат».
Тихо-тихо я пою:
«Баю-баюшки-баю».
«Я косила целый день.
Я устала. Я больна».
За окном шатнулась тень.
Притаилась у окна.
Я пою, пою, пою:
«Баю-баюшки-баю».

II

Земное заточение
«Веришь в грани? хочешь знать?..»
Веришь в грани? хочешь знать?
Полюбил Её, – святую девственную Мать?
Боль желаний утоли.
Не узнаешь, не достигнешь здесь, во мгле земли.
Надо верить и дремать
И хвалить в молитвах тихих девственную Мать.
Все дороги на земле
Веют близкой смертью, веют вечным злом во мгле.
«Злое земное томленье...»
Злое земное томленье,
Злое земное житьё,
Божье ли ты сновиденье,
□□Или ничьё?
В нашем, в ином ли твореньи
К истине есть ли пути,
Или в бесплодном томленьи
□□Надо идти?
Чьим же творящим хотеньем
Неразделимо слита
С неутомимым стремленьем
□□Мира тщета?
«Белая тьма созидает предметы...»
Белая тьма созидает предметы
□□И обольщает меня.
Жадно ищу я душою просветы
□□В область нетленного дня.
Кто же внесёт в заточенье земное
□□Светоч, пугающий тьму?

Скоро ль бессмертное, сердцу родное

□□В свете его я пойму?

Или навек нерушима преграда

□□Белой, обманчивой тьмы,
и бесконечно томиться мне надо,

□□И не уйти из тюрьмы?

«Равно для сердца мило...»

Равно для сердца мило,

Равно волнует кровь –

И то, что прежде было,

И то, что будет вновь,

И тёмная могила,

И светлая любовь.

А то, что длится ныне,

Что мы зовём своим,

В безрадостной пустыне

Обманчиво, как дым.

Томимся о святыне,

Завидуем иным.

«Ветер тучи носит...»

Ветер тучи носит,

Носит вихри пыли.

Сердце сказки просит,

И не хочет были.

Сидеть за стеною, работником быть, –

О, ветер, – ты мог бы и стены разбить!

Ходить по дорогам из камней и плит, –

Он только тревожит, он только скользит!

И мёртвые видеть повсюду слова, –

Прекрасная сказка навеки мертва.

«Неустанное в работе...»

Неустанное в работе

Сердце бедное моё, –

В несмолкающей заботе

Ты житьё куешь моё.

Воля к жизни, воля злая,

Направляет пылкий ток, –

Ты куешь, не уставая,

Телу радость и порок.

Дни и ночи ты торопишь,

Будишь, слабого, меня,

И мои сомненья топишь

В нескончаемости дня.

Я безлепицей измучен.

Житиё кляню моё.

Твой тяжёлый стук мне скучен,

Сердце бедное моё.

«Мы – пленённые звери...»

□□Мы – пленённые звери,

□□Голосим, как умеем.

□□Глухо заперты двери,

□□Мы открыть их не смеем.

Если сердце преданиям верно,

Утешаясь лаем, мы лаем.

Что в зверинце зловонно и скверно,

Мы забыли давно, мы не знаем.

К повторениям сердце привычно, –

Однозвучно и скучно кукуем.

Всё в зверинце безлично, обычно.

Мы о воле давно не тоскуем.

□□Мы – пленённые звери,

□□Голосим, как умеем.

□□Глухо заперты двери,

□□Мы открыть их не смеем.

«В дневных лучах и в сонной мгле...»

В дневных лучах и в сонной мгле,

В моей траве, в моей земле,

В моих кустах я схоронил

Мечты о жизни, клады сил,
И окружился я стеной,
Мой свет померк передо мной,
И я забыл, давно забыл,
Где притаились клады сил.
Порой, взобравшись по стене,
Сажу печально на окне, –
И силы спят в земле сырой,
Под неподвижною травой.
Как пробудить их? Как воззвать?
Иль им вовеки мирно спать,
А мне холодной тишиной
Томиться вечно за стеной?
«Объята мглою вещей теней...»
Объята мглою вещей теней,
Она восходит в тёмный храм.
Дрожат стопы от холода ступеней,
И грозен мрак тоскующим очам.
И будут ли услышаны моления?
Или навек от жизненных тревог
В недостижимые селенья
Сокрылся Бог?
Во мгле мерцают слабые лампы,
К стопам приник тяжёлый холод плит.
Темны столпов недвижные громады, –
Она стоит, и плачет, и дрожит.
О, для чего в усердьи богомольном
Она спешила в храм идти!
Как вознести мольбы о дольном!
Всему начертаны пути.
«Суровый звук моих стихов...»
Суровый звук моих стихов –
Печальный отзвук дальной речи.
Не ты ль мои склоняешь плечи,
О, вдохновенье горьких слов?
Во мгле почиет день туманный,
Воздвигся мир вокруг стеной,
И нет пути передо мной
К стране, вотще обетованной.
И только звук, неясный звук
Порой доносится оттуда,
Но в долгом ожиданьи чуда
Забыть ли горечь долгих мук!
«Державные боги...»
Державные боги,
Властители радостных стран!
Устал я от трудной дороги,
И пылью покрылися ноги,
И кровью из ран.
«Так надо, так надо», –
Мне вещей ваш ворон твердит.
В чертогах небесных отрада, –
За труд и за муки награда,
За боль и за стыд.
Меня бы спросили,
Хочу ли от вас я венца!
Но вашей покорен я силе,
Вы тайно меня победили,
И к вам я иду до конца.
А есть и короче,
Прямой и нетрудный есть путь,
Лишь только в безмолвии ночи
Мгновенною молнией в очи
Себе самовольно блеснуть.
Его отвергаю,
Я вам покориться хочу.
Живу и страдаю, и знаю,
Что ваши пути открываю,

Иду и молчу.

«Змий, царящий над вселенною...»

Змий, царящий над вселенною,
весь в огне, безумно злой,
я хвалю тебя смиренною,
дерзновенною хулой.

Из болотной топкой сырости
Повелел, губитель, ты

Деревам и травам вырасти,
Вывел листья и цветы.

И ползущих и летающих
Ты воззвал на краткий срок.

Сознающих и желающих
Тяжкой жизни ты обрёл.

Тучи зыблешь ты летучие,
Ветры гонишь вдоль земли,

чтоб твои лобзанья жгучие
Раньше срока не сожгли.

Неотменны повеления,
Нет пощады у тебя.

Ты царишь, презрев моления,
Не любя и все губя.

«Опять сияние в лампаде...»

Опять сияние в лампаде,
Но не могу склонить колен.

Ликует Бог в надзвёздном граде,
А мой удел – унылый плен.

С иконы тёмной безучастно
Глаза суровые глядят.

Открыт молитвенник напрасно:
Молитвы древние молчат, –

И пожелтелые страницы,
Заветы строгие храня,

Как безнадежные гробницы,
Уже не смотрят на меня.

«Короткая радость сгорела...»

Короткая радость сгорела,
И снова я грустен и нищ,

и снова блуждаю без дела
У чуждых и тёмных жилищ.

Я пыл вдохновенья ночного
Больною душой ощущал,

Виденья из мира иного

Я светлым восторгом встречал.

Но краткая радость сгорела,

и город опять предо мной,

опять я скитаюсь без дела

По жёсткой его мостовой.

«Давно мне голос твой невнятен...»

Давно мне голос твой невнятен,

и образ твой в мечтах поблёл.

Или приход твой невозвратен,

и я навеки одинок?

и был ли ты в моей пустыне,

иль призрак лживый, мой же сон,

в укор неправедной гордыне

врагом безликим вознесён?

кто б ни был ты, явись мне снова,

затми томительные дни,

и мрак безумия земного

хоть перед смертью осени.

«Я напрасно хочу не любить...»

я напрасно хочу не любить, –

и, природе покорствуя страстной,

□□не могу не любить,

не томиться мечтою напрасной.

чуть могу любоваться тобой,

и сказать тебе слова не смею,

Но расстаться с тобой
Не хочу, не могу, не умею.
А настанут жестокие дни,
Ты уйдёшь от меня без возврата,
О, зачем же вы, дни!
За утратой иная утрата.
«Цветик белоснежный...»
Цветик белоснежный
У тропы тележной
Вырос в месте незнакомом.
Ты, мой друг, простился с домом,
Ты ушёл далеча, –
Суждена ль нам встреча?
Цветик нежный, синий
Над немой пустыней
Вырос в месте незнакомом.
Ты, мой друг, расстался с домом,
От тебя хоть слово
Я услышу ль снова?
«Скучная лампа моя зажжена...»
Скучная лампа моя зажжена,
Снова глаза мои мучит она.
Господи, если я раб,
Если я беден и слаб,
Если мне вечно за этим стоном
Скучным и скудным томиться трудом,
Дай мне в одну только ночь
Слабость мою превозмочь
И в совершенном созданыи одном
Чистым навеки зажечься огнем.
«Над безумием шумной столицы...»
Над безумием шумной столицы
В тёмном небе сияла луна,
И далёких светил вереницы,
Как виденья прекрасного сна.
Но толпа проходила беспечно,
И на звёзды никто не глядел,
И союз их, вещающий вечно,
Безответно и праздно горел.
И один лишь скиталец покорный
Подымал к ним глаза от земли,
Но спасти от гибели чёрной
Их вещанья его не могли.
«Целуйте руки...»
Целуйте руки
У нежных дев,
Широкий плащ разлуки
На них надев.
Целуйте плечи
У милых жён, –
Покой блаженной встречи
Им возведён.
Целуйте ноги
У матерей, –
Над ними бич тревоги
За их детей.
«Ты в стране недостижимой...»
Ты в стране недостижимой, –
Я в большой долине снов.
Друг, томительно любимый,
Слышу звук твоих шагов.
Содрогаясь, внемлю речи,
Вижу блеск твоих очей, –
Бледный призрак дивной встречи,
Привидение речей.
Расторгают эвмениды
Между нами все пути.
Я изгнанник, – все обиды

Должен я перенести.
Жизнью скучной и нелепой
Надо медленно мне жить,
Не роптать на рок свирепый,
И о тайном ворожить.

III

Сеть смерти
«Забыв о родине своей...»
Забыв о родине своей,
Мы торжествуем новоселье, –
Какое буйное веселье!
Какое пиршество страстей!
Но всё проходит, гаснут страсти,
Скучна весёлость наконец;
Седин серебряный венец
Носить иль снять не в нашей власти.
Всё чаще станем повторять
Судьбе и жизни укоризны.
И тихий мир своей отчизны
Нам всё отрадней вспоминать.
«Пламенем наполненные жилы...»
Пламенем наполненные жилы,
Сердце знойное и полное огнём, –
В теле солнце непомерной силы,
И душа насквозь пронизанная днём.
Что же в их безумном ликованьи?
Бездна ждёт, и страшен рёв её глухой.
В озарении, сверканьи и сгораньи
Не забыть её, извечной, роковой.
«Наслаждаясь любовью, лобызая милый лик...»
Наслаждаясь любовью, лобызая милый лик,
Я услышал над собою, и узнал зловещий клик.
И приникши к изголовью, обагрённый жаркой кровью,
Мой двойник, сверкая взором, издевался над любовью,
Засверкала сталь кинжала, и кинжал вонзился в грудь,
И она легла спокойно, а двойник сказал: «Забудь.
Надо быть как злое жало, жало светлого кинжала,
Что вонзилось прямо в сердце, но любя не угрожало».
«В день воскресения Христова...»
В день воскресения Христова
Иду на кладбище, – и там
Раскрыты склепы, чтобы снова
Сияло солнце мертвецам.
Но никнут гробы, в тьме всесильной
Своих покойников храня,
И воздымают смрад могильный
В святыню праздничного дня.
Глазеют маленькие дети,
Держась за край решётки злой,
На то, как тихи гробы эти
Под их тяжёлой пеленой.
Томительно молчит могила.
Раскрыт напрасно смрадный склеп, –
И мёртвый лик Эммануила
Опять ужасен и нелеп.
«Грешник, пойми, что Творца...»
Грешник, пойми, что Творца
□□Ты прогневил:
Ты не дошёл до конца,
□□Ты не убил.
Дан был тебе талисман
□□Вечного зла,
Но в повседневный туман
□□Робость влекла.
Пламенем гордых страстей
□□Жечь ты не смел, –
На перекрестке путей
□□Тлея истлел.

Пеплом рассыплешься ты,
□□ Пеплом в золе.
О, для чего же мечты
□□ Шепчут о зле!
«Изнемогающая вялость...»
Изнемогающая вялость,
За что-то мстящая тоска, –
В долинах – бледная усталость,
На небе – злые облака.
Не видно счастья голубого, –
Его затмили злые сны.
Лучи светила золотого
Седой тоской поглощены.
«Я воскресенья не хочу...»
Я воскресенья не хочу,
И мне совсем не надо рая, –
Не опечалюсь, умирая,
И никуда я не взлечу.
Я погашу мои светила,
Я затворю уста мои,
И в несказанном бытии
Навек забуду всё, что было.
«Живы дети, только дети...»
Живы дети, только дети, –
Мы мертвы, давно мертвы.
Смерть шатается на свете
И махает, словно плетью,
Уплетённой туго сетью
Возле каждой головы.
Хоть и даст она отсрочку –
Год, неделю или ночь,
Но поставит всё же точку,
И укатит в чёрной тачке,
Сотрясая в дикой скачке,
Из земного мира прочь.
Торопись дышать сильнее,
Жди, – придёт и твой черёд.
Задыхайся, цепенея,
Леденея перед нею.
Срок пройдёт, – подставишь шею, –
Ночь, неделя или год.
Чёртовы качели
В тени косматой ели,
Над шумною рекой
Качает чёрт качели
Мохнатую рукой.
Качает и смеётся,
□□ Вперёд, назад,
□□ Вперёд, назад.
Доска скрипит и гнётся,
О сук тяжёлый трётся
Натянутый канат.
Снуёт с протяжным скрипом
Шатучая доска,
И чёрт хохочет с хрипом,
Хватаясь за бока.
Держусь, томлюсь, качаюсь,
□□ Вперёд, назад,
□□ Вперёд, назад,
Хватаюсь и мотаюсь,
И отвести стараюсь
От чёрта томный взгляд.
Над верхом тёмной ели
Хохочет голубой:
«Попался на качели,
Качайся, чёрт с тобой».
В тени косматой ели
Визжат, кружась гурьбой:

«Попался на качели,
Качайся, чёрт с тобой».
Я знаю, чёрт не бросит
Стремительной доски,
Пока меня не скосит
Грозный взмах руки,
Пока не перетрётся,
Крутяся, конопля,
Пока не подвернётся
Ко мне моя земля.
Взлечу я выше ели,
И лбом о землю трах.
Качай же, чёрт, качели,
Всё выше, выше... ах!
«Забыты вино и веселье...»
Забыты вино и веселье,
Оставлены латы и меч, –
Один он идёт в подземелье,
Лампады не хочет зажечь.
И дверь заскрипела протяжно, –
В неё не входили давно.
За дверью и тёмно, и влажно,
Высоко и узко окно.
Глаза привыкают во мраке, –
И вот выступают сквозь мглу
Какие-то странные знаки
На сводах, стенах и полу.
Он долго глядит на сплетенье
Непонятых знаков, и ждёт,
Что взорам его просветленье
Всеизящая смерть принесёт.

Простая песенка

□□Под острьями
□□Вражеских пик
□□Светик убитый,
Светик убитый поник.
□□Миленький мальчик
□□Маленький мой,
□□Ты не вернёшься,
Ты не вернёшься домой.
□□Били, стреляли, –
□□Ты не бежал,
□□Ты на дороге,
Ты на дороге лежал.
□□Конь офицера
□□Вражеских сил
□□Прямо на сердце,
Прямо на сердце ступил.
□□Миленький мальчик
□□Маленький мой,
□□Ты не вернёшься,
Ты не вернёшься домой.

IV

Дымный ладан

«Там, за стеною, холодный туман от реки...»
Там, за стеною, холодный туман от реки.
Снова со мною острые ласки тоски.
Снова огонь сожигает
Усталую плоть, –
Пламень безумный, сверкая, играет,
Жалит, томит, угрожает, –
Как мне его побороть?
Сладок он, сладок мне, сладок, –
В нём я порочно полночно сгораю давно.
Тихое око бесстрастных лампадок,
Тихой молитвы внезапный припадок, –
Вам погасить мой огонь не дано.
Сладкий, безумный и жгучий,

Пламенный, радостный стыд,
Мститель нетленно-могучий
Горьких обид.
Плачет опять у порога
Бледная совесть – луна.
Ждёт не дожждётся дорога, –
И увядает она,
Лилия бедная, бледная, вечно больная, –
Лилия ждёт не дожждётся меня,
Светлого мая,
Огня.

«Мечтатель, странный миру...»
Мечтатель, странный миру,
Всегда для всех чужой,
Царящему кумиру
Не служит он хвалой.
Кому-то дымный ладан
Он жжёт, угрюм и строг,
Но миром не разгадан
Его суровый бог.
Он тайною завесил
Страстей своих игру, –
Порой у гроба весел
И мрачен на пиру.
Сиянье на вершине,
Садов цветущих ряд,
В прославленной долине
Его не веселят.
Поляну он находит,
Лишённую красы,
И там в мечтах проводит
Безмолвные часы.

«Никто не убивал...»
Никто не убивал,
Он тихо умер сам, –
Он бледен был и мал,
Но рвался к небесам.
А небо далеко,
И даже – неба нет.
Пойми – и жить легко, –
Ведь тут же, с нами, свет.
Огнём горит эфир,
И ярки наши дни, –
Для ночи знает мир
Внезапные огни.
Но он любил мечтать
О пресвятой звезде,
Какой не отыскать
Нигде, – увы! – нигде!
Дороги к небесам
Он отыскать не мог,
И тихо умер сам,
Но умер он как бог.

«Порочный отрок, он жил один...»
□□Порочный отрок, он жил один,
В мечтах и сказках его душа цвела.
□□В тоске туманной больных долин
Его подругой была ночная мгла.
□□Она вплетала в его мечты
И зной и холод, – отраву злых болот.
□□Очарованье без красоты!
Твои оковы никто не разорвёт.
«По тем дорогам, где ходят люди...»
По тем дорогам, где ходят люди,
В часы раздумья не ходи, –
Весь воздух выпьют людские груди,
Проснётся страх в твоей груди.
Оставь селенья, иди далёко,

Или создай пустынный край,
И там безмолвно и одиноко
Живи, мечтай и умирай.
«Этот зыбкий туман над рекой...»
Этот зыбкий туман над рекой
В одинокую ночь, при луне, –
Ненавистен он мне, и желанен он мне
Тишиною своей и тоской.
Я забыл про дневную красу,
И во мглу я тихонько вхожу,
Еле видимый след напряжённо слежу,
И печали мои одиноко несую.
«Моя усталость выше гор...»
Моя усталость выше гор,
Во рву лежит моя любовь,
И потускневший ищет взор,
Где слёзы катятся и кровь.
Моя усталость выше гор,
Не для земли её труды...
О, тёмный взор, о, скучный взор,
О, злые, страшные плоды!
«Если б я был к счастью приневолен...»
Если б я был к счастью приневолен,
Если б я был негой опьянён,
Был бы я, как цвет тепличный, болен
И страстями безумными спалён.
Но легко мне: я живу печален,
Я суровой скорби в жертву дан.
Никаким желаньем не ужален,
Ни в какой не вдамся я обман.
И до дня, когда безмолвной тенью
Буду я навеки осенён,
Жизнь моя, всемирному томленью
Ты подобна, лёгкая, как сон.
«Грустные взоры склоняя...»
Грустные взоры склоняя,
Светлые слёзы роняя,
Ты предо мною стоишь, –
Только б рыданья молчали, –
Злые лобзанья печали
Ты от толпы утаишь.
Впалые щёки так бледны.
Вешние ль грозы бесследны,
Летний ли тягостен зной,
Или на грех ты дерзаешь, –
Сердце моё ты терзаешь
Смертной своей белизной.
«Суровый друг, ты недоволен...»
Суровый друг, ты недоволен,
□□Что я грустна.
Ты молчалив, ты вечно болен, –
□□И я больна.
Но не хочу я быть счастливой,
□□Идти к другим.
С тобой мне жить в тоске пугливой,
□□С больным и злым.
Отвыкла я от жизни шумной
□□И от людей.
Мой взор горит тоской безумной,
□□Тоской твоей.
Перед тобой в немом томленьи
□□Сгораю я.
В твоём печальном заточеньи
□□Вся жизнь моя.
«Я спал от печали...»
Я спал от печали
Тягостным сном.
Чайки кричали

Над моим окном.
Заря возопила:
«Встречай со мной царя.
я небеса разбудила,
Разбудила, горя».
И ветер, пылая
вечной тоской,
Звал меня, пролетая
над моею рекой.
Но в тяжёлой печали
я безрадостно спал.
О, весёлые дали,
я вас не видал!
«Я лесом шёл. Дремали ели...»
я лесом шёл. Дремали ели,
Был тощ и бледен редкий мох, –
Мой друг далёкий, неужели
я слышал твой печальный вздох?
И это ты передо мною
Прошёл, безмолвный нелюдим,
Заворожённый тишиною
и вечным сумраком лесным?
я посмотрел, – ты оглянулся,
Но промолчал, махнул рукой, –
Прошло мгновенье, – лес качнулся, –
И нет тебя передо мной.
Вокруг меня дремали ели,
Был тощ и бледен редкий мох,
Да сучья палые желтели,
Да бурелом торчал и сох.
Ангел благого молчания
Грудь ли томится от зною,
Страшно ль смятение вьюг, –
Только бы ты был со мною,
Сладкий и радостный друг.
Ангел благого молчанья,
Тихий смиритель страстей,
Нет ни венца, ни сиянья
над головою твоей.
Кротко потуплены очи,
Стан твой окутала мгла,
Тонкою влагою ночи
веют два лёгких крыла.
Реешь над дольным пределом
ты без меча, без луча, –
Только на поясе белом
два золотые ключа.
Друг неизменный и нежный,
Тенью прохладною крыл
век мой безумно-мятежный
ты от топпы заслонил.
В тяжкие дни утомленья,
в ночи бессильных тревог,
ты отклонил помышленья
от недоступных дорог.
«Обольщения лживых слов...»
Обольщения лживых слов
и обманчивых снов, –
Ваши прелести так сильны!
Утомителен летний зной.
На дороге лесной
утешения тишины.
Позабудешься ты в тени, –
Отдохни и засни.
Старый сказочник не далёк.
Он с дремотою подойдёт.
Вещий лес оживёт, –
и таинственный огонёк.

Чего не было никогда,
Что пожрали года,
Что мечтается иногда, –
Снова молодо, снова здесь,
Станешь радостен весь,
В позабытую внидешь весь.
«Я живу в тёмной пещере...»
Я живу в тёмной пещере,
Я не вижу белых ночей.
В моей надежде, в моей вере
Нет сиянья, нет лучей.
Ход к пещере никем не иден,
И не то ль защита от меча!
Вход в пещеру чуть виден,
И предо мною горит свеча.
В моей пещере тесно и сыро,
И нечем её согреть.
Далёкий от земного мира,
Я должен здесь умереть.
«За мельканьем волшебных узоров...»
За мельканьем волшебных узоров
Я слежу в заколдованной мгле,
И моих очарованных взоров
Не прельщает ничто на земле.
Обаянья мои как вериги,
Я страданий моих не боюсь.
Мудрецам, изучающим книги,
Я безумцем порочным кажусь.
Но моя недоступна ограда,
Стержёт меня крепко печаль.
И в печали, и в тайне – отрада,
И надежд простодушных не жаль.
«В село из леса она пришла...»
В село из леса она пришла, –
Она стучала, она звала.
Её страшила ночная тьма,
Но не пускали её в дома.
И долго, долго брела она,
И тёмной ночью была одна,
И не пускали её в дома,
И угрожала ночная тьма.
Когда ж, ликуя, заря взошла.
Она упала, – и умерла.

У

Преображения
«Оргийное безумие в вине...»
Оргийное безумие в вине,
Оно весь мир смеясь колышет.
Но в трезвости и в мирной тишине
Порою то ж безумье дышит.
Оно молчит в нависнувших ветвях,
И стережёт в пещере жадной,
И, затаясь в медлительных струях,
Оно зовёт в покой прохладный.
Порою, в воду мирно погрузясь,
Вдруг власть безумия признает тело,
И чуешь ты таинственную связь
С твоей душой губительного дела.
«Преодолею я дикий холод...»
Преодолею я дикий холод
Земных страданий и невзгод,
И снова непорочно молод,
Как в первозданный майский год.
Вернувшись к ясному смиренью,
Чужие лики вновь люблю,
И снова радуюсь творенью,
И всё цветущее хвалю.
Привет вам, небеса и воды,

Земля, движенье и следы,
И краткий, сладкий миг свободы,
И неустанные труды.
«Холодная, жестокая земля!..»
Холодная, жестокая земля!
Но как же ты взрастила сладострастие?
Твои широкие, угрюмые поля
Извели ненастье, но и счастье.
Сама ли ты надежды родила,
Сама ли их повела злаками?
Или сошла с небес богиня зла,
Венчанная таинственными знаками,
И низвела для дремлющей земли
Мечты коварные с обманами,
И злые гости облекли
Тебя лазурными туманами?
«Оболью горячей кровью...»
Оболью горячей кровью,
Обовью моей любовью
□□Лилию мою.
В злом краю ночной порою
Утаю тебя, укрою
□□Бледную мою.
Ты моя, и отнимая
У ручья любимца мая,
□□Лилия моя,
Я пою в ночах зимовья
Соловьём у изголовья,
□□Бледная моя.
«Огонь, пылающий в крови моей...»
Огонь, пылающий в крови моей,
Меня не утомил.
Ещё я жду, – каких-то новых дней,
Восстановленья сил.
Спешу забыть все виденные сны,
И только сохранить
Привычку к снам, – полуночной весны
Пылающую нить.
Всё тихое опять окрест меня,
И солнце и луна, –
Но сладкого, безумного огня
Душа моя полна.
«В светлый день похоронили...»
В светлый день похоронили
Мы склонившуюсь тень.
Кто безгласен был в могиле,
Тот воскрес в великий день, –
И светло ликует с нами,
Кто прошёл сквозь холод тьмы,
Кто измучен злыми снами
В тёмных областях зимы.
«Твоя душа – кристалл, дрожащий...»
Твоя душа – кристалл, дрожащий
В очарованьи светлых струй,
Но что ей в жизни предстоящей?
Блесни, исчезни, очаруй!
В очарованиях бессилен
Горящий неизменно здесь.
Наш дольний воздух смрадно пылен,
Душе мила иная весь.
«Вы не умеете целовать мою землю...»
Вы не умеете целовать мою землю,
Не умеете слушать Мать Землю сырую,
Так, как я ей внемлю,
Так, как я её целую.
О, приникну, приникну всем телом
К святому материнскому телу,
В озареньи святом и белом

К последнему склонюсь пределу, –
Откуда вышли цветы и травы,
Откуда вышли и вы, сёстры и братья.
Только мои лобзанья чисты и правы,
Только мои святы объятья.
«Широкие улицы прямы...»
Широкие улицы прямы,
И пыльно, и мглисто в дали,
Чуть видны далёкие храмы, –
О, муза, ликуй и хвали!
Для камней, заборов и пыли
Напевы звенящие куй,
Забудь про печальные были, –
О, муза, хвали и ликуй!
Пройдут ли, внезапны и горды,
Дерзнувшие спорить с судьбой, –
Встречай опьяневшие орды
Напевом, зовущим на бой.
«Люби меня ясно, как любит заря...»
Люби меня ясно, как любит заря,
Жемчуг рассыпая и смехом горя.
Обрадуй надеждой и лёгкой мечтой
И тихо погасни за мглистой чертой.
Люби меня тихо, как любит луна,
Сияя бесстрастно, ясна, холодна.
Волшебством и тайной мой мир освети, –
Помедлим с тобою на тёмном пути.
Люби меня просто, как любит ручей,
Звеня и целуя, и мой, и ничей.
Прильни и отдайся, и дальше беги.
Разлюбишь, забудешь, – не бойся, не лги.
«Безгрешный сон...»
□□□□Безгрешный сон,
□□□□Святая ночь молчанья и печали!
Вы, сестры ясные, взошли на небосклон,
□□□□И о далёком возвещали.
□□□□Отрадный свет,
□□□□И на земле начертанные знаки!
Вам, сёстры ясные, земля моя в ответ
□□□□Взрастила грезящие маки.
□□□□В блестящем дне
□□□□Отрада есть, – надежда вдохновенья.
О, сёстры ясные, одна из вас ко мне
□□□□Сошла в тумане сновиденья!
«Ты незаметно проходила...»
Ты незаметно проходила,
Ты не сияла и не жгла,
Как незажжённое кадило,
Благоухать ты не могла.
Твои глаза не выражали
Ни вдохновенья, ни печали,
Молчали бледные уста,
И от людей ты хоронилась,
И от речей людских таилась
Твоя безгрешная мечта.
Конец пришел земным скитаньям,
На смертный путь вступила ты.
И засияла предвещаньем
Иной, нездешней красоты.
Глаза восторгом загорелись,
Уста безмолвные зарделись,
Как ясный светоч, ты зажглась,
И, как восходит ладан синий,
Твоя молитва над пустыней,
Благоухая, вознеслась.
«Дышу дыханьем ранних рос...»
Дышу дыханьем ранних рос,
Зарёю ландышей невинных:

Вдыхаю влажный запах длинных
□□Русалочьих волос, –
□□Отчётливо и тонко
Я вижу каждый волосок;
Я слышу звонкий голосок
□□Погибшего ребёнка.
Она стонала над водой,
Когда её любовник бросил.
Её любовник молодой
На шею камень ей повесил.
Заслышав шорох в камышах
Его лады и скрип от весел,
Она низверглась вся в слезах,
А он еще был буйно весел.
И вот она передо мной,
Всё та же, но совсем другая.
Над озарённой глубиной
□□Качается нагая.
Рукою ветку захватив,
Водю заревою плещет.
Забыла тёмные пути
В сияньи утреннем, и блещет.
И я дышу дыханьем рос,
Благоуханием невинным,
И влажным запахом пустынным
□□Русалкиных волос.
«Не понимаю, отчего...»
Не понимаю, отчего
В природе мертвенной и скудной
Встаёт какой-то властью чудной
Единой жизни торжество.
Я вижу вечную природу
Под неизбежной властью сил, –
Но кто же в бытие вложил
И вдохновенье, и свободу?
И в этот краткий срок земной,
Из вещества сложась земного,
Как мог обрести я мысль и слово,
И мир создать себе живой?
Окрест меня всё жизнью дышит,
В моей реке шумит волна,
И для меня в полях весна
Благоухания колышет.
Но не понять мне, отчего
В природе мёртвенной и скудной
Воссоздаётся властью чудной
Духовной жизни торжество.
«Все были сказаны давно...»
Все были сказаны давно
Заветы сладостной свободы, –
И прежде претворялись воды
В животворящее вино.
Припомни брак еврейский в Кане,
И чудо первое Христа, –
И омочи свои уста
Водю, налитой в стакане.
И если верный ученик
В тебе воскреснет, – ток прозрачный
Рассеет сон неволи мрачной,
Ты станешь светел и велик.
Что было светлую водю,
То сердцем в кровь претворено.
Какое крепкое вино!
Какую бьёт оно струёю!
«Всё было беспокойно и стройно, как всегда...»
Всё было беспокойно и стройно, как всегда,
И чванились горы, и плакала вода,
И булькал смех девичий в воздушный океан,

И басом объяснялся с мамашей грубиян,
Пищали сто песчинок под дамским башмаком,
И тысячи пылинок врываются в каждый дом.
Трава шептала сонно зелёные слова.
Лягушка уверяла, что надо квакать ква.
Кукушка повторяла, что где-то есть ку-ку,
И этим нагоняла на барышень тоску,
И, пачкающий лапки играющих детей,
Побрызгал дождь на шапки гуляющих людей,
И красили уж небо в берлинскую лазурь,
Чтоб дети не боялись ни дождика, ни бурь,
И я, как прежде, думал, что я – большой поэт,
Что миру будет явлен мой незакатный свет.
«Жизнь проходит в лёгких грёзах...»
Жизнь проходит в лёгких грёзах,
Вся природа – тихий бред, –
И не слышно об угрозах,
И не видно в мире бед.
Успокоенное море
Тихо плещет о песок.
Позабылось в мире горе,
Страсть погибла, и порок.
Век людской и тих, и долог
В безмятежной тишине,
Но – зачем откинут полог,
Если въявь, как и во сне?

VI

Волхвования

«В стране безвыходной бессмысленных томлений...»

В стране безвыходной бессмысленных томлений

□□□Влачился долго я без грёз, без божества,

□□□□И лишь порой для диких вдохновений

□□□□Я находил безумные слова.

Они цвели во мгле полночных волхвований,

□□□□На злом пути цвели, – и мёртвая луна

□□□□Прохладный яд несбыточных желаний

□□□□Вливала в них, ясна и холодна.

«Я томился в чарах лунных...»

□□Я томился в чарах лунных,

Были ясны лики дивных дев,

И звучал на гусях златострунных

□□Сладостный напев.

□□В тишине замороженной

От подножья недоступных гор

Простирался светлый и бессонный,

□□Но немой простор.

□□К вещей тайне, несказанной

Звал печальный и холодный свет,

И струился в даль благоуханный,

□□Радостный завет.

«Полуночная жизнь расцвела...»

Полуночная жизнь расцвела.

На столе заалели цветы.

Я ль виновник твоей красоты,

Иль собою ты так весела?

В озарении бледных огней

Полуночная жизнь расцвела.

Для меня ль ты опять ожила,

Или я – только данник ночей?

Я ль тебя из темницы исторг

В озарение бледных огней?

Иль томленья томительных дней –

Только дань за недолгий восторг?

«Над усталую пустыней...»

Над усталую пустыней

Развернулся полог синий,

В небо вышел месяц ясный.

Нетревожный и нестрастный.

Низошла к земле прохлада,
И повеяна отрада.
В мой шатёр, в объятья сна,
Тишина низведена.
С внешней жизнью я прощаюсь,
И в забвенье погружаюсь.
Предо мною мир нездешний,
Где ликует друг мой вешний,
Где безгрешное светило,
Не склоняясь, озарило
Тот нетленный, юный сад,
Где хвалы его звучат.
«Здесь, на этом перекрёстке, в тихий, чуткий час ночной...»
Здесь, на этом перекрёстке, в тихий, чуткий час ночной
Ты стояла предо мною, озарённая луной,
И, бессмертными словами откровенья роковое
Повторяя, говорила, что на свете только двое,
Что в созданыи многоликом только я и только ты
В споре вечном и великом сплетены, но не слиты.
Обе тёмные дороги в ожидании молчали.
Ночь внимала и томилась от восторга и печали.
И в сиянии непорочном, в полуночной тишине
Все дыханья, вновь желанья возвращались все ко мне.
Только ты одна таилась, не стремилась к нашей встрече,
Вещим снам противореча, вечно близко и далече.
«Луны безгрешное сиянье...»
Луны безгрешное сиянье,
Бесстрастный сон немых дубрав,
И в поле мглистом волхвованье,
□□Шептанье трав...
Сошлись полночные дороги.
На перекрёстке я опять, –
Но к вам ли, демоны и боги,
□□Хочу воззвать?
Под непорочную луною
Внимая чуткой тишине,
Всё, что предстало предо мною,
□□Зову ко мне.
Мелькает белая рубаха, –
И по траве, как снег бледна,
Дрожа от радостного страха,
□□Идёт она.
Я не хочу её объятий,
Я ненавижу прелесть жён,
Я властью неземных заклятий
□□Заворожён.
Но говорит мне ведьма: «Снова
Вещаю тайну бытия.
И нет и не было иного, –
□□Но я – Твоя.
Сгорали демоны и боги,
Но я с Тобой всегда была
Там, где встречались две дороги
□□Добра и зла».
Упала белая рубаха,
И предо мной, обнажена,
Дрожа от страсти и от страха,
□□Стоит она.
«Водой спокойной отражены...»
□□Водой спокойной отражены,
□□Они бесстрастно обнажены
□□При свете тихом ночной луны.
Два отрока, две девы творят ночной обряд,
И тихие напевы таинственно звучат.
Стопами белых ног едва колеблют струи,
И волны, зыбляся у ног, звучат как поцелуи.
□□Сияет месяц с горы небес,
□□Внимает гимнам безмолвный лес,

□□Пора настала ночных чудес.
Оставлены одежды у тёмного пути.
Свершаются надежды, – обратно не идти.
Таинственный порог, заветная ограда, –
Переступить порог, переступить им надо.
□□Их отраженья в воде видны,
□□И все движенья повторены
□□В заворожённых лучах луны.
Огонь, пылавший в теле, томительно погас, –
В торжественном пределе настал последний час.
Стопами белых ног, омытыми от пыли.
Таинственный порог они переступили.
«Ты печально мерцала...»
Ты печально мерцала
Между ярких подруг,
И одна не вступала
В их пленительный круг.
Незаметная людям,
Ты открылась лишь мне,
И встречаться мы будем
В голубой тишине,
И молчание ночи
Навсегда полюбя,
Я бессонные очи
Устремлю на тебя.
Ты без слов мне расскажешь,
Чем и как ты живёшь,
И тоску мою свяжешь,
И печали сожжёшь.
«Надо мною, как облако...»
Надо мною, как облако
Над вершиной горы,
Ты пройдёшь, словно облако
Над вершиной горы,
В многоцветном сиянии,
В обаяньи святом,
Ты промчишься в сиянии,
В обаяньи святом.
Стану долго, безрадостный,
За тобою глядеть, –
Утомлённый, безрадостный,
За тобою глядеть,
Тосковать и печалиться,
Безнадёжно грустить,
О далёком печалиться,
О бесследном грустить.
«Вот минута прощальная...»
Вот минута прощальная
До последнего дня...
Для того ли, печальная,
Ты любила меня?
Для того ли украдкою,
При холодной луне,
Ты походкою шаткою
Приходила ко мне?
Для того ли скиталась
Ты повсюду за мной,
И ночей дожидалась
С их немой тишиной?
И опять, светлоокая,
Ты бледна и грустна,
Как луна одинокая,
Как больная луна.
«Есть тропа неизбежная...»
Есть тропа неизбежная
На крутом берегу, –
Там волшебница нежная
Запыхалась в бегу,

Улыбается сладкая,
И бежит далеко.
Юность сладкая, краткая,
Только с нею легко.
Пробежит, – зарумянится,
Улыбаясь, лицо,
И кому-то достанется
Золотое кольцо...
Рокового, заклятого
Не хотеть бы кольца,
Отойти б от крылатого,
Огневого гонца.
«Ночь настанет, и опять...»
Ночь настанет, и опять
Ты придёшь ко мне тайком,
Чтоб со мною помечтать
О нездешнем, о святом.
И опять я буду знать,
Что со мной ты, потому,
Что ты станешь колыхать
Предо мною свет и тьму.
Буду спать или не спать,
Буду помнить или нет, –
Станет радостно сиять
Для меня нездешний свет.
Ведьме
Поклонюсь тебе я платой многою, –
Я хочу забвенья да веселия, –
Ты поди некошною дорогою,
Ты нарви мне ересного зелия.
Белый саван брошен над болотами,
Мёртвый месяц поднят над дубравою, –
Ты пройди заклятыми воротами,
Ты приди ко мне с шальной пошавою.
Страшен навий след, но в нём забвение,
Горек омег твой, но в нём веселие,
Мёртвых уст отрадно дуновение, –
Принеси ж мне, ведьма, злое зелие.
«Громадный живот...»
□□Громадный живот,
Искажённое злобой лицо,
□□Окровавленный рот,
А в носу – золотое кольцо.
□□Уродлив и наг,
И вся кожа на теле черна, –
□□Он – кудесник и враг,
И свирепость его голодна.
□□На широком столбе
Он сидит, глядит на меня,
□□И твердит о судьбе,
Золотое копьё наклоня.
«Сразить не могу, –
Говорит, – не пришёл ещё срок.
□□Я тебя стерегу,
Не уйдёшь от меня: я жесток.
□□Копьё подыму,
Поражу тебя быстрым копьём,
□□И добычу возьму
В мой костыми изукрашенный дом».
«Где безбрежный океан...»
Где безбрежный океан,
Где одни лишь плещут волны,
Где не ходят чёлны, –
Там есть фея Кисиман.
На волнах она лежит,
Нежась и качаясь,
Плещет, блещет, говорит, –
С нею фея Атимаис.

Атимаис, Кисиман –
Две лазоревые феи.
Их ласкает океан.
Эти феи – ворожеи.
К берегам несёт волну,
Колыхаясь, забавляясь,
Ворожащая луну
Злая фея Атимаис.
Пенит гневный океан,
Кораблям ломая донья,
Злая фея Кисиман,
Ворожащая спросонья.
Злые феи – две сестры –
Притворяться не умеют.
Бойся в море злой поры,
Если обе чары деют.
«Не трогай в темноте...»
Не трогай в темноте
Того, что незнакомо, –
Быть может, это – те,
Кому привольно дома.
Кто с ними был хоть раз,
Тот их не станет трогать.
Сверкнёт зелёный глаз,
Царапнет быстрый ноготь, –
Прокинется котом
Испуганная нежить.
А что она потом
Затеет? Мучить? нежить?
Куда ты ни пойдёшь,
Возникнут пусторосли.
Измаешься, заснёшь.
Но что же будет после?
Прозрачную щекой
Прильнёт к тебе сожитель.
Он серую тоской
Твою затмит обитель.
И будет жуткий страх, –
Так близко, так знакомо,
Стоять во всех углах
Тоскующего дома.
«Злая ведьма чашу яда...»
Злая ведьма чашу яда
Подает, – и шепчет мне:
«Есть великая отрада
В затаённом там огне.
Если ты боишься боли,
Чашу дивную разлей, –
Не боишься? так по воле
Пей её или не пей.
Будут боли, вопли, корчи,
Но не бойся, не умрёшь,
Не оставит даже порчи
Изнурительная дрожь.
Встанешь с пола худ и зелен
Под конец другого дня.
В путь пойдёшь, который велен
Духом скрытого огня.
Кое-что умрёт, конечно,
У тебя внутри, – так что ж?
Что имеешь, ты навечно
Всё равно не сбережёшь.
Но зато смертельным ядом
Весь пропитан, будешь ты
Поражать змеиным взглядом
Неразумные цветы.
Будешь мёртвыми устами
Ты метать потоки стрел,

И широкими путями
Умертвлять ничтожность дел».
Так, смеясь над чашей яда,
Злая ведьма шепчет мне,
Что бессмертная отрада
Есть в отравленном огне
«В тихий вечер, на распутии двух дорог...»
В тихий вечер, на распутии двух дорог
Я колдунью молодую подстерёг,
И во имя всех проклятых вражьих сил
У колдуньи талисмана я просил.
Преодо мной она стояла, чуть жива,
И шептала чародейные слова,
И искала талисмана в тихой мгле,
И нашла багряный камень на земле,
И сказала: «Этот камень ты возьмишь, –
С ним не бойся, – не захочешь, не умрёшь.
Этот камень всё на шее ты носи,
И другого талисмана не проси.
Не для счастья, иль удачи, иль венца, –
Только жить, всё жить ты будешь без конца.
Станет скучно, – ты верёвку оборвёшь,
Бросишь камень, станешь волен, и умрёшь».
«Я подарю тебе рубин...»
Я подарю тебе рубин, –
В нём кровь горит в моём огне.
Когда останешься один,
Рубин напомнит обо мне.
В нём кристаллический огонь
И металлическая кровь, –
Он тихо ляжет на ладонь
И обо мне напомнит вновь.
Весь окровавленный кристалл
Горит неведомым огнём.
Я сам его зачаровал
Безмолвным, неподвижным сном.
Не говорит он о любви,
И не любовь в его огне, –
В его пылающей крови
Ты вспомнишь, вспомнишь обо Мне.
«Зелёный изумруд в твоём бездонном взоре...»
Зелёный изумруд в твоём бездонном взоре,
□□□□Что зеленело на просторе,
□□□□Замкнулось в тесный круг.
□□□□Мерцает взор зелёный, изумрудный, –
□□□□Мне кажется, что феей чудной
□□□□Прокинешься ты вдруг.
□□□□Уже не дева ты, – Зелёная царица,
□□□□И смех твой – звон ручья,
И взор зелёный твой – лукавая зарница,
□□□□□□Но ты – опять моя.
□□□□И как бы ты в траве ни затаилась,
□□□□И чем бы ты ни притворилась,
□□□□□□Сверкая и звеня, –
□□□□Везде найду тебя, везде тебя открою,
□□□□Зеленоглазая! Ты всё со мною,
□□□□□□Ты вечно для меня.
«Иду в лесу. Медлительно и странно...»
Иду в лесу. Медлительно и странно
Вокруг меня колеблется листва.
Моя мечта, бесцельна и туманна,
□□□□Едва слагается в слова.
И знаю я, что ей слова ненужны, –
□□□□Она – дыхания нежней,
□□□□Её вещания жемчужны,
□□□□Улыбки розовы у ней.
□□□□□□Она – краса лесная,
□□□□□□И всё поёт в лесу,

Хвалю радостной венчая
Её красу.
«Зачем возрастаю?..»
«Зачем возрастаю? –
Снегурка спросила меня. –
Я знаю, что скоро растаю,
Лишь только увижу весёлую стаю,
Растаю, по камням звеня.
И ты позабудешь меня».
Снегурка, узнаешь ты скоро,
что таять легко;
Растаешь, узнаешь, умрёшь без укора,
Уснёшь глубоко.

«В чародейном, тёмном круге...»
В чародейном, тёмном круге,
всё простив, что было днём,
Дал Я знак Моей подруге
тихо вспыхнувшим огнём.
И она пришла, как прежде,
под покровом темноты.
Позабыл Я все вопросы,
и спросил Я: «Кто же ты?»
И она с укором кротким
посмотрела на Меня.
Лик её был странно бледен
в свете тайного огня.
Вкруг неё витали чары
нас обнявшего кольца, –
И внезапно стал Мне внятен
очерк близкого лица.
«Наивно верю временам...»
Наивно верю временам,
Покорно предаюсь пространствам, –
Земным изменчивым убранствам
и беспредельным небесам.
Хочу конца, ищу начала,
Предвижу роковой предел, –
Противоречий я хотел,
Мечта владычицею стала.
В жемчуги, злато и виссон,
Прелестница безумно-злая,
Она рядит, не уставая,
Земной таинственный мой сон.
«Ты не бойся, что темно...»
Ты не бойся, что темно.
Слушай, я тебе открою, –
Всё невинно, всё смешно,
Всё Божественной игрою
Рождено и суждено.
Для торжественной забавы
Я порою к вам схожу,
Собираю ваши травы,
И над ними ворожу,
И варю для вас отравы.
Мой напиток пей до дна.
В нём забвеньё всех томлений;
Глубина его ясна,
Но великих утолений
Преисполнена она.
Вспомни, как тебя блаженно
Забавляли в жизни сны.
Всё иное – неизменно,
Нет спасенья, нет вины,
Всё легко и всё забвенно.

VII

Тихая долина
«В весенний день мальчишка злой...»
В весенний день мальчишка злой

Пронзил ножом кору берёзы, –
И капли сока, точно слёзы,
Текли прозрачную струёй.
Но созидаящая сила
Ещё изникнуть не спешила
Из зеленеющих ветвей, –
Они, как прежде, колыхались,
И так же нежно улыбались
Привету солнечных лучей.
«Я дорогой невинной и смелою...»
Я дорогой невинной и смелою
Прохожу, ничего не тая.
Что хочу, то могу, то и делаю, –
□□Вот свобода моя.
Научитесь хотенью упорному,
Наберитесь ликующих сил,
Чтоб зовущий к пристанищу чёрному
□□Вас косой не скосил, –
И поверьте великим вещаниям,
Что свобода не ведает зла,
Что она только ясным желаниям
□□Силу жизни дала.
«Надо мной голубая печаль...»
Надо мной голубая печаль,
И глядит она в страхе высоком
Полуночным таинственным оком
На земную туманную даль.
Бездыханно–холодные травы
Околдованы тихой луной,
И смущён я моей тишиной,
Но стези мои тайные правы.
Не об этом ли шепчут ручьи,
Что в моих неподвижных туманах
Беспорочно в томительных странах
Пронесу помышленья мои?
«Есть соответствия во всём...»
Есть соответствия во всём, –
Не тщетно простираем руки:
В ответ на счастье и на муки
И смех и слёзы мы найдем,
И если жаждем утешенья,
Бежим далёко от людей.
Среди лесов, среди полей
Покой, безмыслие, забвеньё.
Ветвями ветер шелестит,
Трава травую так и пахнет.
Никто в изгнании не чахнет,
Не презирает и не мстит.
Так, доверяясь природе,
Наперекор судьбе, во всём
Мы соответствия найдём
Своей душе, своей свободе.
«Час ночной отраден...»
□□Час ночной отраден
Для бесстрашного душой.
Воздух нежен и прохладен,
□□Тёмен мрак ночной.
□□Только звёзд узоры,
Да вдали кой-где огни
Различают смутно взоры.
□□Грусть моя, усни!
□□Вся обычность скрыта,
Тьмою скрыты все черты.
Ночь – безмолвная защита
□□Мне от суеты.
□□Кто-то близко ходит,
Кто-то нежно стережёт,
Чутких глаз с меня не сводит,

Но не подойдёт.
«Чернеет лес по берегам...»
Чернеет лес по берегам.
Один сижу я в челноке,
И к неизвестным берегам
Я устремляюсь по реке.
На небе ясная луна,
А на реке туман встаёт.
Сияет ясная луна,
И кто-то за лесом поёт.
О, ночь, единственная ночь!
Успокоительная сень!
Как пережить мне эту ночь?
К чему мне свет? К чему мне день?
«Затаился в траве и лежу...»
Затаился в траве и лежу, –
И усталость мою позабыл, –
У меня ль недостаточно сил?
Я глубоко и долго гляжу.
Солнцем на небе сердце горит,
И расширилась небом душа,
И мечта моя ветром летит,
В запредельные страны спеша.
И на небе моём облака
То растают, то катятся вновь.
Позабыл, где нога, где рука,
Только в жилах торопится кровь.
«Ты ко мне приходила не раз...»
Ты ко мне приходила не раз
То в вечерний, то в утренний час,
И всегда утешала меня.
Ты мою отгоняла печаль,
И вела меня в ясную даль,
Тишиной и мечтой осень.
И мы шли по широким полям,
И цветы улыбалися нам,
И, смеясь, лепетала волна,
Что вокруг нас – потерянный рай,
Что я светлый и радостный май,
И что ты – молодая весна.
«Камыш качается...»
Камыш качается,
И шелестит,
И улыбается,
И говорит
Молвой незвонкою,
Глухой, сухой,
С дремою тонкою
В полдневный зной.
Едва колыхнется
В реке волна,
И сладко дышится,
И тишина,
И кто-то радостный
Несёт мне весть,
Что подвиг сладостный
И светлый есть.
На небе чистая
Моя звезда
Зажглась лучистая,
Горит всегда,
И сны чудесные
На той звезде, –
И сны небесные
Со мной везде.
«Ты ничего не говорила...»
Ты ничего не говорила, –
Но уж и то мне был укор.

К смиренным травам ты склонила
Твоё лицо и кроткий взор,
И от меня ушла неспешно,
Вдыхая слабый запах трав.
Твоя печаль была безгрешна,
И тихий путь твой не лукав.
«Своеволием рока...»
□□Своеволием рока
Мы на разных путях бытия, –
□□Я – печальное око,
Ты – весёлая резвость ручья;
□□Я – томление злое,
Ты – прохладная влага в полях,
□□Мы воистину двое,
Мы на разных, далеких путях.
□□Но в безмолвии ночи,
К единению думы склоняя,
□□Ты закрой свои очи,
Позабудь наваждения дня, –
□□И в блаженном молчаньи
Ты постигнешь закон бытия, –
□□Всё едино в созданыи,
Где сознанию возникнуть, там Я.
«Опять заря смеяться стала...»
Опять заря смеяться стала,
Про ночь забыли небеса,
И переливно задрожала
На свежей зелени роса.
Ты гордый стыд преодолела,
Ты победила сонм тревог,
И пышных платьев не надела,
И не обула нежных ног.
Конец исканиям мятежным.
Один лишь путь, смиренный – прав.
К твоим ногам, в лобзаньи нежном,
Приникли стебли тихих трав.
И свежесть утренней прохлады
Тебя лаская обняла.
Цветы душисты, птицы рады,
Душа свободна и смела.
«Ты не заснула до утра...»
Ты не заснула до утра,
□□Грустя, благоухая,
О, непорочная сестра
□□Смеющегося мая!
Среди полей внимала ты
□□Полночному молчанью,
Полёту радостной мечты,
□□И звёздному сиянью.
И ночь, склонившись над тобой,
□□Сквозь ясные светила
Благословляющей росой
□□Окрест тебя кропила.
«Вдали от скованных дорог...»
Вдали от скованных дорог,
□□В сиянии заката,
Прикосновеньем нежным ног
□□Трава едва примята.
Прохлада веет от реки
□□На знойные ланиты, –
И обе стройные руки
□□Бестрепетно открыты.
И разве есть в полях цветы,
□□И на небе сиянье?
Улыбки, шёпот, и мечты,
□□И тихое лобзанье.
«Прозрачный сок смолистый...»
Прозрачный сок смолистый,

Застывший на коре.
Пронизан воздух мгlistый
Мечтаньем о заре.
Скамейка у забора,
Далёкий плеск реки.
Расстаться надо скоро...
Пожатие руки...
Ты скрылась в тень густую
В замолкнувшем саду.
Гляжу во мглу ночную,
Один в полях иду.
Застенчивой весною,
Стыдясь белых ног,
Не ходишь ты со мною
Просторами дорог.
Но только ноги тронет
Едва-едва загар,
Твой легкий стыд утонет
В дыханьи вешних чар,
И в поле ты, босая, –
В платочке голова, –
Пойдешь, цветкам бросая
Весёлые слова.
«Любовью лёгкою играя...»
Любовью лёгкою играя,
Мы обрели блаженный край.
Вкусили мы веселье рая,
Сладчайшего, чем Божий рай.
Лаская тоненькие руки
И ноги милые твои,
Я изнывал от сладкой муки,
Какой не знали соловьи.
С тобою на лугу несмятом
Целуясь в тени берёз,
Я упивался ароматом,
Благоуханней алых роз.
Резвей весёлого ребенка,
С невинной нежностью очей,
Ты лепетала звонко, звонко,
Как не лепечет и ручей.
Любовью лёгкою играя,
Вошли мы только в первый рай:
То не вино текло играя,
То пена била через край,
И два глубокие бокала
Из тонко-звонкого стекла
Ты к светлой чаше подставляла
И пену сладкую лила,
Лила, лила, лила, качала
Два тельно-алые стекла.
Белей лилей, алее лала
Бела была ты и ала.
И в звонах ласково-кристальных
Отраву сладкую тая,
Была милее дев лобзальных
Ты, смерть отрадная моя!
«Близ одинокой избушки...»
Близ одинокой избушки
Молча глядим в небеса.
Глупые стонут лягушки,
Мочит нам платье роса.
Все отсырели дороги, –
Ты не боишься ничуть,
И загорелые ноги
Так и не хочешь обуть.
Сердце торопится биться, –
Твой ожидающий взгляд
Рад бы ко мне обратиться, –

Я ожиданию рад.
«Прохладная забава...»
Прохладная забава, –
Скамейка челнока,
Зелёная дубрава,
Весёлая река.
В простой наряд одета,
Сидишь ты у руля,
Ликующее лето
Улыбкою хваля.
Я тихо подымаю
Два лёгкие весла.
Твои мечты я знаю, –
Душа твоя светла.
Ты слышишь в лепетаны
Прозрачных, тихих струй
Безгрешное мечтанье,
Невинный поцелуй.
«Тропинка вьётся...»
□□Тропинка вьётся,
□□Река близка,
И чья-то песня раздаётся
□□Издадека.
□□Из-за тумана
□□Струясь, горя,
Восходит медленно и рано
□□Моя заря.
□□И над рекою
□□Проходишь ты.
Цветут над мутной глубиною
□□Твои мечты.
□□И нет печали,
□□И злых тревог, –
Росинки смехом задрожали
□□У милых ног.
«Я печален, я грешен...»
□□Я печален, я грешен, –
Только ты не отвергни меня.
Я твоей красотой утешен
В озареньи ночного огня.
□□Не украшены стены,
Жёлтым воском мой пол не натёрт,
Я твоей не боюсь измены,
Я великою верою твёрд.
□□И на шаткой скамейке
Ты, босая, сидела со мной,
И в тебе, роковой чародейке,
Зажигался пленительный зной.
□□Есть у бедности сила, –
И печалью измученный взор
Зажигает святые светила,
Озаряет великий простор.
VIII
Единая воля
«О, жалобы на множество лучей...»
О, жалобы на множество лучей,
И на неслитность их!
И не искать бы мне во тьме ключей
От кладезей моих!
Ключи нашёл я, и вошёл в чертог,
И слил я все лучи.
Во мне лучи. Я – весь. Я – только Бог.
Слова мои – мечи.
Я только Бог. Но я и мал, и слаб.
Причины создал я.
В путях моих причин я вечный раб,
И пленник бытия.
«Иду в смятеньи чрезвычайном...»

Иду в смятеньи чрезвычайном,
И, созерцая даль мою,
Я в неожиданном, в случайном
Свои порывы узнаю.
Я снова слит с моей природой,
Хотя доселе не решил,
Стремлюсь ли я своей свободой,
Или игрой мне чуждых сил.
Но что за гранью жизни краткой
Меня ни встретит, – жизнь моя
Горит одной молитвой сладкой,
Одним дыханьем бытия.
«Околдовал я всю природу...»
Околдовал я всю природу,
И оковал я каждый миг.
Какую страшную свободу
Я, чародействуя, постиг!
И развернулась без предела
Моя предвечная вина,
И далеко простёрлось тело,
И так разверзлась глубина!
Воззвав к первоначальной силе,
Я бросил вызов небесам,
Но мне светила возвестили,
Что я природу создал сам.
«День сгорал, недужно бледный...»
День сгорал, недужно бледный
□□И безумно чуждый мне.
Я томился и метался
□□В безнадежной тишине.
Я не знал иного счастья, –
□□Стать недвижимым, лечь в гробу.
За метанья жизни пленной
□□Клял я злобную судьбу.
Жизнь меня дразнила тупо,
□□Возвещая тайну зла:
Вся она, в гореньи трупа,
□□Мной замыслена была.
Это я из бездны мрачной
□□Вихри знойные воззвал,
И себя цепями жизни
□□Для чего-то оковал.
И среди немых раздолий,
□□Где царил седой Хаос,
Это я своею волей
□□Жизнь к сознанию вознёс.
«В долгих муках разлученья...»
В долгих муках разлученья
Отвергаешь ты меня,
Забываешь час творенья,
Злою карою забвенья
День мечтательный казня.
Что же, злое, злое чадо,
Ты ко мне не подойдешь?
Или жизни ты не радо?
Или множества не надо,
И отдельность – только ложь?
Не для прихоти мгновенной
Я извёл тебя из тьмы,
Чтобы в день, теперь забвенный,
Но когда-то столь блаженный,
Насладились жизнью мы.
В беспредельности стремленья
Воплотить мои мечты,
Не ушёл я от творенья,
Поднял бремя воплощенья,
Стал таким же, как и ты.
«Опьянение печали, озаренье тихих, тусклых свеч...»

Опьянение печали, озаренье тихих, тусклых свеч, –
Мы не ждали, не гадали, не искали на земле и в небе встреч.
Обагрят землю кровью, мы любовью возрастили те цветы,
Где сверкало, угрожая, злое жало безнадёжной красоты.
И в пустынях терпеливых нами созданной земли
В напряжении мечтанья и желанья вдруг друг друга мы нашли,
Для печали и для боли, для безумия, для гроз...
Торжество безмерной Воли, это Я тебя вознёс.

«На гибельной дороге...»

На гибельной дороге
Последним злом греша,
В томительной тревоге
Горит Моя душа.
Святое озаренье
Унылых этих мест,
Сияло утешенье,
Яснейшая из звёзд.
Но, чары расторгая
Кругом обставших сил,
Тебя, надежда рая,
Я дерзко погасил.
И вот – подьёмлю стоны,
Но подвиг Мой свершу:
Бессмертные законы
Бесстрастно напишу.
Творенья не покину,
Но, всё ко Мне склоня,
Дам заповедь едину:
Люби, люби Меня.

Венчан венцом терновым,
Несметные пути
Воздвигну словом новым,
Но всё – ко Мне идти.
Настал конец утехам,
Страдать и Мне пора, –
Гремят безумным смехом
Долина и гора.

Но заповедь едину
Бесстрастно Я простёр
На темную долину,
На выси гордых гор.
«Он не знает, но хочет...»
Он не знает, но хочет, –
Оттого возрастает, цветёт,
Ароматные сладости точит,
И покорно умрёт.

Он не знает, но хочет.
Непреклонная воля
Родилась во тьме.
Только выбрана доля –
Та иль эта – в уме,
Но темна непреклонная воля.

Умереть или жить,
Расцвести ль, зазвенеть ли,
Завязать ли жемчужную нить,
Разорвать ли лазурные петли,
Всё равно – умереть или жить.

«Мой ландыш белый вянет...»
Мой ландыш белый вянет,
Но его смерть не больная.
Его ничто не обманет,
Потому что он хочет не зная,
И чего хочет, то будет,
Чего не будет, не надо.
Ничто его не принудит,
И увяданье ему отрада.
Единая Воля повсюду,
И к чему мои размышленья?

Надо поверить чуду
Едино в мире хотенья.
«В последнем свете злого дня...»
В последнем свете злого дня,
В паденьи сил, в затменьи Бога,
Перед тобой Моя дорога.
Приди ко Мне, люби Меня.
В мирах всё призрачно и тленно,
Но вот Я заповедь даю,
Она вовеки неизменна:
Люби Меня и жизнь Мою.
Я – всё во всём, и нет Иного.
Во Мне родник живого дня.
Во тьме томления земного
Я – верный путь. Люби Меня.
«То не слёзы, – только росы, только дождь...»
То не слёзы, – только росы, только дождь,
Не раздумье, – только тени тёмных рощ,
И не радость, – только блещет яркий змей, –
Всё же плакать и смеяться ты умей!
Плоть и в свете неподвижна и темна,
Над огнями бездыханна, холодна.
В тёмном мире неживого бытия
Жизнь живая, солнце мира – только Я.

IX

Последнее утешение
«Маленькие кусочки счастья, не взял ли я вас от жизни?..»
Маленькие кусочки счастья, не взял ли я вас от жизни?
Дивные и мудрые книги,
таинственные очарования музыки,
умилительные молитвы,
невинные, милые детские лица,
сладостные благоухания,
и звёзды, – недоступные, ясные звёзды!
О, фрагменты счастья, не взял ли я вас от жизни!
Что же ты плачешь, мое сердце, что же ты ропщешь?
Ты жалуешься:
«Кратким,
и более горьким, чем сладким,
обманом промчалась жизнь,
и её нет».
Успокойся, сердце мое, замолчи.
Твои биения меня утомили.
И уже воля моя отходит от меня.
«Белый мой цветок, таинственно-прекрасный...»
Белый мой цветок, таинственно-прекрасный,
Из моей земли, из чёрной ты возник,
На меня глядишь ты, нежный и безгласный,
И понятен мне безмолвный твой язык.
Ты возник из тьмы, моей мечте навстречу,
Ты зовёшь туда, откуда вышел ты, –
Я твоим вещаньям не противоречу,
К твоему дыханью наклонив мечты.
«Елисавета, Елисавета...»
Елисавета, Елисавета,
□□Приди ко мне!
Я умираю, Елисавета,
□□Я весь в огне.
Но нет ответа, мне нет ответа
□□На страстный зов.
В стране далёкой Елисавета,
□□В стране отцов.
Её могила, её могила
□□В краю ином.
Она скончалась. Её могила –
□□Ревнивый дом.
Победа смерти не победила
□□Любви моей.

Сильна могила, её могила. –

□□Любовь сильней.

Елисавета, Елисавета,

□□Приди ко мне!

Я умираю, Елисавета,

□□Я весь в огне

Слова завета, слова завета

□□Не нам забыть.

С тобою вместе, Елисавета,

□□Нам надо быть.

Расторгнуть бремя, расторгнуть бремя

□□Пора пришла.

Земное злое растает бремя,

□□Как сон, как мгла.

Земное бремя, – пространство, время

□□Мгновенный дым.

Земное, злое расторгнем бремя,

□□И победим!

Елисавета, Елисавета,

□□Приди ко мне.

Я умираю, Елисавета,

□□Я весь в огне.

Тебя я встречу в блистаньи света,

□□Любовь моя.

Мы будем вместе, Елисавета,

□□И ты, и я.

«Поёт печальный голос...»

Поёт печальный голос

Про тишину ночную,

Глядит небесный лебедь

На линию земную.

На ней роса мерцает

От четырёх озёр.

В лазоревое море

Она подьмлет взор.

Поёт печальный голос

О чём-то непонятном.

Пред смертью ль горний лебедь.

В пути ли невозвратном?

Она в печали нежной,

Она как снег бела,

Её волна колышет,

Её лелеет мгла.

«Чиста любовь моя...»

□□Чиста любовь моя,

□□Как ясных звёзд мерцанье,

Как плеск нагорного ручья,

Как белых роз благоуханье

□□Люблю одну тебя,

□□Неведомая дева,

Невинной страсти не губя

Позором ревности и гнева.

□□И знаю я, что здесь

□□Не быть с тобою встрече:

Твоя украшенная весь

От здешних тёмных мест далече.

□□А мой удел земной –

□□В томленьях и скитаньях,

И только нежный голос твой

Ко мне доносится в мечтаньях.

«Я к ней пришел издалека...»

Я к ней пришел издалека.

□□Окрест, в полях, прохлада.

И будет смерть моя легка

□□И слаще яда.

Я взоры тёмные склонил.

□□В траву роса упала.

Ещё дышу. Так мало сил.

□□Так жизни мало.
Туман восходит, – и она
□□Идёт, так тихо, в поле.
Поёт, – мне песнь её слышна, –
□□Поёт о воле.
Пришёл. Она ко мне близка.
□□В её очах отрада.
И смерть в руке её легка
□□И слаще яда.
«Я влюблён в мою игру...»
Я влюблён в мою игру.
Я играя сам сгораю,
И безумно умираю,
И умру, совсем умру.
Умираю от страданий,
Весь измученный игрой,
Чтобы новою зарёй
Вывести новый рой созданий.
Снова будут небеса, –
Не такие же, как ваши, –
Но опять из полной чаши
Я рассею чудеса.
«Невинный цвет и грешный аромат...»
Невинный цвет и грешный аромат
□□□□□Левкоя
Пленительным желанием томят
□□□□□Покоя.
Так сладостно склоняться в полусне
□□□□□Под тенью
К желанному и радостному мне
□□□□□Забвенью, –
Простивши всё, что было в жизни злом
□□□□□И мукой,
Стереть и память даже о былом
□□□□□Разлукой.
«Свободный ветер давно прошумел...»
Свободный ветер давно прошумел
И промчался надо мною,
Долина моя тиха и спокойна, –
А чуткая стрела
Над гордою башнею возвышенного дома
Всё обращает своё тонкое остриё
К далёкой и странной области
Мечты.
Уже и самые острые,
Самые длинные
Лучи
Растаяли в мгlistом безмолвии.
Туман поднимается
Над топкими берегами реки.
Усталые дети чего-то просят
И плачут.
Наступает
Моя последняя стража.
Дивный край недостижим, как прежде,
И я, как прежде, только я.
«Что было, будет вновь...»
□□Что было, будет вновь,
Что было, будет не однажды.
□□С водой смешаю кровь
Устам, томящимся от жажды.
□□Придёт с высоких гор.
Я жду. Я знаю, – не обманет.
□□Глубок зовущий взор.
Стилет остёр и сладко ранит.
□□Моих коснется плеч.
Приникнет в тайне бездыханной.
□□Потом затопит печь,

И тихо сядет ждать за ванной.

□□Звенящие струи

Прольёт, открыв неспешно краны,

□□И брызнет на мои

Легко означенные раны.

□□И дверь мою замкнёт,

И тайной зачарует стены,

□□И томная войдёт

В мои пустеющие вены.

□□С водой смешаю кровь

Устам, иссохнувшем от жажды.

□□Что было, будет вновь.

Что было, будет не однажды.

«Мы были праздничные дети...»

Мы были праздничные дети,

□□Сестра и я.

Плела нам радужные сети

□□Коварная Змея.

Стояли мы, играть не смея

□□На празднике весны.

У злого, радостного Змея

□□Отравленные сны

Хоть бедных раковин случайно

□□Набрать бы у ручья, –

Нет, умираем, плача тайно,

□□Сестра и я.

«Настало время чудесам...»

Настало время чудесам.

Великий труд опять подьёмлю.

Я создал небеса и землю,

И снова ясный мир создам.

Настало творческое время.

Земное бремя тлеет вновь

Моя мечта, моя любовь

Восставит вновь иное племя.

Подруга-смерть, не замедляй,

Разрушь порочную природу,

И мне опять мою свободу

Для созидания отдай.

Лазурные горы

Предисловие

Стихотворения, собранные в этой книге, написаны в 1884–1898 годах; но далеко не все стихотворения тех лет помещены здесь. Выбор обусловлен желанием сохранить некоторую общность настроения. Стихи расположены в порядке, который для внимательного читателя покажется не случайным. Хронологический указатель напечатан в конце этой книги.

Предисловие

(к книге «Пламенный круг»)

Рожденный не в первый раз и уже не первый завершая круг внешних преобразений, я спокойно и просто открываю мою душу. Открываю, – хочу, чтобы интимное стало всемирным.

Тёмная земная душа человека пламенеет сладкими и горькими восторгами, истончается и восходит по нескончаемой лестнице совершенств в обители навеки недостижимые и вовеки вожделенные.

Жаждет чуда, – и чудо дастся ей.

И разве земная жизнь, – Моя жизнь, – не чудо? Жизнь, такая раздробленная, такая разъединённая и такая единая.

Ибо всё и во всём – Я, и только Я, и нет иного, и не было и не будет.

Вещи есть у меня, но ты – не вещь Моя; ты и Я – одно.

Приди ко Мне, люби Меня.

«Где ты делась, несказанная...»
Где ты делась, несказанная
Тайна жизни, красота?
Где твоя благоуханная,
Чистым светом осиянная,
Радость взоров, нагота?
Хоть бы в дымке сновидения
Ты порой явилась мне,
Хоть бы поступью видения
В краткий час уединения
Проскользнула в тишине!
«Чиста любовь моя...»
□□Чиста любовь моя,
□□Как ясных звёзд мерцанье,
Как плеск нагорного ручья,
Как белых роз благоуханье
□□Люблю одну тебя,
□□Неведомая дева,
Невинной страсти не губя
Позором ревности и гнева.
□□И знаю я, что здесь
□□Не быть с тобою встрече:
Твоя украшенная весь
От здешних тёмных мест далече.
□□А мой удел земной –
□□В томленьях и скитаньях,
И только нежный голос твой
Ко мне доносится в мечтаньях.
«Морозная светлая даль...»
□□□Морозная светлая даль,
□□И низкое солнце, и звёзды в снегу...
□□Несут меня сани. Забыта печаль.
Морозные грёзы звенят надо мной на бегу.
Открытое поле всё бело и чисто кругом.
Раскинулось небо широким и синим шатром.
□□Я вспомнить чего-то никак не могу,
□□Но что позабылось, того и не жаль.
□□Пуста и безлюдна морозная даль.
□□Бегут мои кони. Ямщик мой поёт.
□□□Деревни дымятся вдали...
□□Надо мною несётся мечта и совет...
□□□Плещут волны, летят корабли...
Рассыпается девичий смех перекатной волной...
Ароматная ночь обаяла своей тишиной...
□□Мы крылаты, – плывем далеко от земли...
□□Ты, невеста моя, не оставишь меня...
□□Нет, опять предо мною зима предстаёт,
□□Быстро сани бегут, и ямщик мой поёт,
И навстречу мне снежная пыль мимолетного дня.
«Я не спал, – и звучало...»
Я не спал, – и звучало
□□За рекой,
Трепетало, рыдало
□□Надо мной.
Это пела русалка,
□□А не ты.
И былого мне жалко,
□□И мечты.
До зари недалёкой
□□Как заснуть!
Вспоминал я жестокий,
□□Долгий путь.
А русалка смеялась
□□За рекой, –
Нет, не ты издевалась
□□Надо мной.

«Покрыла зелень ряски...»
Покрыла зелень ряски
Дремотный, старый пруд, –
Я жду, что оживут
Осмеянные сказки:
Русалка приплывёт,
Подыметса, нагая,
Из сонных тёмных вод
И запоёт, играя
Зелёною косой,
А в омуте глубоком
Сверкнет огромным оком
Ревнивый водяной...
Но тихо дремлет ряска,
Вода не шелохнёт, –
Прадедовская сказка
Вовек не оживёт.
«На лбу её денница...»
На лбу её денница
Сияла голубая,
И поясом зарница
Была ей золотая.
Она к земле спускалась
По радуге небесной,
И в мире оставалась
Блаженно-неизвестной.
Но захотела власти
Над чуждыми телами,
И нашей буйной страсти
С тоской и со слезами.
Хотелось ей неволи
И грубости лобзаний,
И непомерной боли
Бесстыдных истязаний, –
И в тёмные, плотские
Облекшися одежды,
Лелеяла земные,
Коварные надежды.
И жизнь её влачилась
Позором и томленьем,
И смерть за ней явилась
Блаженным избавленьем.
«На песке прихотливых дорог...»
На песке прихотливых дорог
От зари догорающий свет
Озарил, расцветил чьих-то ног
□□Тонкий след...
Может быть, здесь она проходила,
Оставляя следы на песке,
И помятый цветок пронесла
□□На руке.
Поднимая раскрытую руку,
Далеко за мечтой унеслась
И далёкому, тайному звуку
□□Отдалась.
Тосковали на нежной ладони
Молодой, но жестокой руки
По своей ароматной короне
□□Лепестки...
Молодою и чуждой печалью
Не могу я души оживить
И того, что похищено далью,
□□Воротить.
Мне об ней ничего не узнать,
Для меня обаяния нет.
Что могу на земле различать?
□□Только след.
«Молода и прекрасна...»

Молода и прекрасна,
Безнадёжно больна,
Смотрит на землю ясно
И бесстрастно луна.
Отуманились дали,
И тоскует земля,
И росой печали
Оросились поля.
Простодушные взоры
Подымает жена
На лазурные горы,
Где томится луна.
Что не спит и не дремлет,
Всё скорбит о луне,
И лучам её внемлет
В голубой тишине.
Но не плачет напрасно
Золотая луна,
Молода, и прекрасна,
И смертельно больна.
Умирая не плачет,
И уносится вдаль,
И за тучею прячет
Красоту и печаль.
«Туман не редееет...»
□□□Туман не редееет
Молочною мглюю закутана даль,
□□□И на сердце веет
□□□□Печаль.
□□□С заботой обычной,
Суровой нуждою влекомый к труду,
□□□Дорогой привычной
□□□□Иду.
□□□Бледна и сурова,
Столица гудит под туманною мглой,
□□□Как моря седого
□□□□Прибой.
□□□Из тьмы вырастая,
Мелькает и вновь уничтожиться в ней
□□□Торопится стая
□□□□Теней.
«Короткая радость сгорела...»
Короткая радость сгорела,
И снова я грустен и нищ,
И снова блуждаю без дела
У чуждых и тёмных жилищ.
Я пыл вдохновенья ночного
Больною душой ощущал,
Виденья из мира иного
Я светлым восторгом встречал.
Но краткая радость сгорела,
И город опять предо мной,
Опять я скитаюсь без дела
По жёсткой его мостовой.
«Запах асфальта и грохот колёс...»
Запах асфальта и грохот колёс,
□□Стены, камня и плиты..
О, если б ветер внезапно донёс
□□Шелест прибрежной ракушки!
Грохот на камнях и ропот в толпе, –
□□Город не хочет смириться.
О, если б вдруг на далёкой тропе
□□С милою мне очутиться!
Ясные очи младенческих дум
□□Сердцу открыли бы много.
О, этот грохот, и ропот, и шум, –
□□Пыльная, злая дорога!
«Иду я влажным лугом...»

Иду я влажным лугом.
Томят меня печали.
Широким полукругом
Развёрнутые дали,
Безмолвие ночное
С пленительными снами,
И небо голубое
С зелёными краями, –
Во всём покой и нега,
Лишь на сердце тревога.
Далёко до ночлега.
Жестокая дорога!
«Закрывая глаза, я целую тебя...»
Закрывая глаза, я целую тебя, –
□□Бестелесен и тих поцелуй.
Ты глядишь и молчишь, не губя, не любя,
□□В колыханьи тумана и струй.
Я плыву на ладье, – и луна надо мной
□□Подымает печальный свой лик;
Я плыву по реке, – и поник над рекой
□□Опечаленный чем-то тростник.
Ты неслышно сидишь, ты не двинешь рукой, –
□□И во мгле, и в сиянии даль.
И не знаю я, долго ли быть мне с тобой,
□□И когда ты мне молвишь: «Причалъ».
Этот призрачный лес на крутом берегу,
□□И поля, и улыбка твоя –
Бестелесное всё. Я забыть не могу
□□Бесконечной тоски бытия.
«Под холодную властью тумана...»
Под холодную властью тумана,
Перед хмурой угрозой мороза,
На цветках, не поблекнувших рано.
Безмятежная, чистая грёза.
С изнемогшей душой неразрывны
Впечатленья погибшего рая,
И по-прежнему нежно призывны
Отголоски далекого мая.
«Не ужасай меня угрозой...»
Не ужасай меня угрозой
Безумства, муки и стыда,
Навек останься лёгкой грёзой,
Не воплощайся никогда,
Храни безмерные надежды,
Звездой далёкою светись,
Чтоб наши грубые одежды
Вокруг тебя не обвилились.
«Я от мира отрекаюсь...»
Я от мира отрекаюсь,
Облекаюсь тёмной схимой
И душою устремляюсь
В тот чертог недостижимый,
Где во мгле благоуханий,
В тихом трепете огней
Входит бледный рой мечтаний
В круг больных и злых теней.
И к сокрытому престолу
С необычными дарами
Мы подходим, очи долу,
С необутыми ногами,
И приносим жертву Богу,
Службу ясную поём,
Но к заветному порогу
Человека не зовём.
Ариадна («Сны внезапно отлетели...»)
Сны внезапно отлетели...
Что ж так тихо всё вокруг?
Отчего не на постели

С нею мил-желанный друг?
Смотрит, ищет, – и рыдает,
И понятно стало ей,
Что коварно покидает
Обольщённую Тезей.
Мчится к морю Ариадна, –
Бел и лёгок быстрый бег, –
И на волны смотрит жадно,
Голосащие о брег.
Лёгким веяньем зефира
Увлекаемы, вдали,
В синем зареве эфира
Исчезают корабли.
Парус чёрный чуть мелькает, –
И за милым вслед спеша,
Улетает, тает, тает
Ариаднина душа.
«Из мира чахлой нищеты...»
Из мира чахлой нищеты,
Где жёны плакали и дети лепетали,
Я улетал в заоблачные дали
В объятьях радостной мечты,
И с дивной высоты надменного полёта
Преображал я мир земной,
И он сверкал передо мной,
Как тёмной ткани позолота.
Потом, разбуженный от грёз
Прикосновеньем грубой жизни,
Моей мучительной отчизне
Я неразгаданное нёс.
«Для чего в пустыне дикой...»
Для чего в пустыне дикой
Ты возник, мой вешний цвет?
Безнадёжностью великой
Беспощадный веет свет.
Нестерпимым дышит жаром
Лютый змей на небесах.
Покоряясь ярым чарам,
Мир дрожит в его лучах.
Милый цвет, ты стебель клонишь,
Ты грустишь, ты одинок, –
Скоро венчик ты уронишь
На сухой и злой песок.
Для чего среди пустыни
Ты возник, мой вешний цвет,
Если в мире нет святыни,
И надежды в небе нет?
«Этот сон-искуситель...»
Этот сон-искуситель,
□□Он неправдою мил.
Он в мою роковую обитель
Через тайные двери вступил, –
□□И никто не заметил,
□□И не мог помешать.
Я желанного радостно встретил,
И он сказочки стал мне шептать.
□□Расцвели небылицы,
□□Как весною цветы,
И зареяли вещие птицы,
И пришла, вожденная, ты..
□□Этот сон-искуситель,
□□Он неправдою мил.
Он мою роковую обитель
Безмятежной мечтой озарил.
«Скоро солнце встанет...»
Скоро солнце встанет,
В окна мне заглянет,
Но не буду ждать, –

Не хочу томиться:
Утром сладко спится, –
Любо сердцу спать.
Раннюю порою
Окон не открою
Первому лучу.
С грёзою полночной,
ясной, беспорочной,
Задремать хочу.
Дума в грёзе тонет.
На подушку клонит
Голову мою...
Предо мной дороги,
Реки и чертоги
В голубом краю.
«Просыпаюсь рано...»
Просыпаюсь рано, –
Чуть забрезжил свет,
Тёмно от тумана, –
Встать мне или нет?
Нет, вернусь упрямо
В колыбель мою, –
Спой мне, спой мне, мама:
«Баюшки-баю!»
Молодость мелькнула,
Радость отнята,
Но меня вернула
В колыбель мечта.
Не придёт родная, –
Что ж, и сам спую,
Горе усыпляя:
«Баюшки-баю!»
Сердце истомилось.
Как отрадно спать!
Горькое забылось,
Я – дитя опять,
Собираю что-то
В голубом краю,
И поёт мне кто-то:
«Баюшки-баю!»
Бездыханно, ясно
В голубом краю.
Грёзам я бесстрастно
Силы отдаю.
Кто-то безмятежный
Душу пьёт мою,
Шепчет кто-то нежный:
«Баюшки-баю».
Наступает томный
Пробужденья час.
День грозитя тёмный, –
Милый сон погас.
Начала забота
Воркотню свою,
Но мне шепчет кто-то:
«Баюшки-баю!»
«Запоздалый ездок на коне вороном...»
Запоздалый ездок на коне вороном
□□Под окошком моим промелькнул.
Я тревожно гляжу, – но во мраке ночном
□□Напряжённый мой взор потонул.
Молодые берёзки печально молчат,
□□Неподвижны немые кусты.
В отдалении быстро копыта стучат, –
□□Невозвратный, торопись ты.
Одинокое ложе ничем не согреть,
□□Бесполезной мечты не унять.
Ах, еще бы мне раз на тебя посмотреть!

□□Ах, еще б ты промчался опять!

□□«Ангельские лики...»

□□Ангельские лики,

□□Светлое хваленье,

□□Дым благоуханий, –

□□У Творца-Владыки

□□Вечное забвеньё

□□Всех земных страданий.

□□Ангел вопрошает:

□□«Бледный отрок, ты откуда?

□□Рано дни тебе наскучили».

□□Отрок отвечает:

□□«На земле мне было худо.

□□Мать с отцом меня замучили».

□□У Творца-Владыки

□□Вечное забвеньё

□□Всех земных страданий, –

□□Ангельские лики,

□□Светлое хваленье,

□□Дым благоуханий.

□□«Целый день бранили,

□□Ночью руки мне связали,

□□На чердак свели раздетого,

□□Долго палкой били,

□□Долго розгами терзали, –

□□Вот и умер я от этого».

□□Ангельские лики,

□□Светлое хваленье,

□□Дым благоуханий, –

□□У Творца-Владыки

□□Вечное забвеньё

□□Всех земных страданий.

□□«Отвори свою дверь...»

□□Отвори свою дверь,

□□И ограду кругом обойди.

□□Неспокойно теперь, –

□□Не ложись, не засни, подожди.

□□Может быть, в эту ночь

□□И тебя позовёт кто-нибудь.

□□Поспешешь ли помочь?

□□И пойдёшь ли в неведомый путь?

□□Да и можно ли спать?

□□Ты подумай: во тьме, за стеной

□□Станет кто-нибудь звать,

□□Одинокий, усталый, больной.

□□Выходи к воротам

□□И фонарь пред собою носи.

□□Хоть бы сгинул ты сам,

□□Но того, кто взывает, спаси.

□□«Суровый друг, ты недоволен...»

□□Суровый друг, ты недоволен,

□□Что я грустна.

□□Ты молчалив, ты вечно болен, –

□□И я больна.

□□Но не хочу я быть счастливой,

□□Идти к другим.

□□С тобой мне жить в тоске пугливой,

□□С больным и злым.

□□Отвыкла я от жизни шумной

□□И от людей.

□□Мой взор горит тоской безумной,

□□Тоской твоей.

□□Перед тобой в немом томленьи

□□Сгораю я.

□□В твоём печальном заточеньи

□□Вся жизнь моя.

□□Медный змий

□□Возроптали иудеи:

«Труден путь наш, долгий путь.
Пресмыкаясь, точно змеи,
Мы не смеем отдохнуть».
В стан усталых иудеев
Из неведомой земли
Вереницы мудрых змеев
Утром медленно ползли.
Подымался к небу ропот:
«Нет надежд и нет дорог!
Или нам наш долгий опыт
Недостаточно был строг?»
Рано утром, в час восхода,
Голодна, тоща и зла,
В стан роптавшего народа
Рать змеиная ползла.
И, раздор меж братьев сея,
Говорил крамольник злой:
«Мы отвергнем Моисея,
Мы воротимся домой».
Чешуёй светло-зелёной
Шелестя в сухой пыли,
По равнине опалённой
Змеи медленно ползли.
«Здесь в пустыне этой пыльной
Мы исчахнем и умрём.
О, вернёмся в край обильный,
Под хранительный ярём».
Вдруг, ужаленный змеёю,
Воин пал сторожевой, –
И сбегаются толпою
На его предсмертный вой.
И, скользя между ногами
Старцев, жён, детей и дев,
Змеи блещут чешуями,
Раззевая хищный зев,
И вонзая жала с ядом
В обнажённые стопы
Их враждебно-вещим взглядом
Очарованной толпы.
Умирили иудеи, –
И раскаялись они.
«Моисей, нас жалят змеи! –
Возопил народ. – Взгляни:
Это – кара за роптанье.
Умоли за нас Творца,
Чтоб Господне наказание
Не свершилось до конца».
И, по слову Моисея,
Был из меди скован змей,
И к столбу прибили змея
Остриями трёх гвоздей.
Истощили яд свой гости
И, шурша в сухой пыли,
Обессиленные злости
В логовища унесли.
Перед медным изваяньем
Преклоняется народ,
И смиренным покаяньем
Милость Божию зовёт.
«Твоих немых угроз, суровая природа...»
Твоих немых угроз, суровая природа,
□□Никак я не пойму.
От чахлой жизни жду блаженного отхода
□□К покою твоему,
И каждый день меня к могиле приближает
□□Я каждой ночи рад,
Но душу робкую бессмысленно пугает
□□Твой неподвижный взгляд.

Лесов таинственных ласкающие сени,
□□Немолчный ропот вод,
И неотступные и трепетные тени,
□□И неба вечный свод, –
Враждебно всё мечте и чувству человека,
□□И он ведёт с тобой
От самых древних лет доныне и до века
□□Непримиримый бой.
Но побеждаешь ты, – последнего дыханья
□□Подстерегая час,
Огнем томительным напрасного страданья
□□Ты обнимаешь нас.
«В поле не видно ни зги...»
В поле не видно ни зги.
Кто-то зовёт: «Помоги!»
□□□Что я могу?
Сам я и беден, и мал,
Сам я смертельно устал,
□□□Как помогу?
Кто-то зовёт в тишине:
«Брат мой, приблизься ко мне!»
□□□Легче вдвоём.
Если не сможем идти,
Вместе умрём на пути,
□□□Вместе умрём!»
«Опять сияние в лампаде...»
Опять сияние в лампаде,
Но не могу склонить колен.
Ликует Бог в надзвёздном граде,
А мой удел – унылый плен.
С иконы тёмной безучастно
Глаза суровые глядят.
Открыт молитвенник напрасно:
Молитвы древние молчат, –
И пожелтёлые страницы,
Заветы строгие храня,
Как безнадёжные гробницы,
Уже не смотрят на меня.
«Забыв о родине своей...»
Забыв о родине своей,
Мы торжествуем новоселье, –
Какое буйное веселье!
Какое пиршество страстей!
Но всё проходит, гаснут страсти,
Скучна весёлость наконец;
Седин серебряный венец
Носить иль снять не в нашей власти.
Всё чаще станем повторять
Судьбе и жизни укоризны.
И тихий мир своей отчизны
Нам всё отрадней вспоминать.
От злой работы палачей
Валерию Брюсову

Баллада

Она любила блеск и радость,
Живые тайны красоты,
Плодов медлительную сладость,
Благоуханные цветы.
Одета яркой багрянницей,
Как ночь мгновенная светла,
Она любила быть царицей,
Её пленяла похвала.
Её в наряде гордом тешил
Алмаз в лучах и алый лал,
И бармы царские обвешал
Жемчуг шуршащий и коралл.
Сверкало золото чертога,

Горел огнём и блеском свод,
И звонко пело у порога
Паденье раздроблённых вод.
Пылал багрянец пышных тканей
На белом холоде колонн,
И знойной радостью желаний
Был сладкий воздух напоён.
Но тайна тяжкая мрачила
Блестящей славы дивный дом:
Царица в полдень уходила,
Куда, никто не знал о том.
И, возвращаясь в круг весёлый
Прелестных жён и юных дев,
Она склоняла взор тяжёлый,
Она таила тёмный гнев.
К забавам лёгкого веселья,
К турнирам взоров и речей
Влеклась тоска из подземелья,
От злой работы палачей.
Там истязуемое тело,
Вопя, и корчась, и томясь,
На страшной виске тяготело,
И кровь тяжёлая лилась.
Открывши царственные руки,
Отнявши бич у палача,
Царица умножала муки
В злых лобызаниях бича.
В тоске и в бешенстве великом,
От крови отирая лик,
Пронзительным, жестоким гиком
Она встречала каждый крик.
Потом, спеша покинуть своды,
Где смрадный колыхался пар,
Она всходила в мир свободы,
Венца, лазури и фанфар.
И, возвращаясь в круг весёлый
Прелестных жён и юных дев,
Она клонила взор тяжёлый.
Она таила тёмный гнев.
«Келья моя и тесна, и темна...»
Келья моя и тесна, и темна.
Только и свету, что свечка одна.
Полночи вещей я жду, чтоб гадания
□□Снова начать,
□□И услышать
Злой моей доли вещания.
Олово, ложка да чаша с водой, –
Всё на дощатом столе предо мной.
Олово в ложке над свечкой мерцающей
□□Я растоплю,
□□И усыплю
Страх, моё сердце смущающий.
Копоть покрыла всю ложку мою.
Талое олово в воду я лью.
Что же пророчит мне олово?
□□Кто-то стоит
□□И говорит:
«Взял же ты олова, – злого, тяжелого!»
Острые камни усеяли путь,
Меч изострённый вонзился мне в грудь.
«Порою туманной...»
Порою туманной,
Дорогою трудной
□□Иду!
О, друг мой желанный,
Спаситель мой чудный, –
□□Я жду!
Мгновенное племя,

Цветут при дороге

□□Мечты.

Медлительно время,
И сердце в тревоге, –

□□А ты,

Хоть смертной тропкою,
В последний, жестокий

□□Мой день,

Пройди предо мною,
Как призрак далёкий,

□□Как тень!

«Ветер в трубе...»

□□Ветер в трубе

Воет о чьей-то судьбе, –

□□Жалобно стонет,

Словно кого-то хоронит.

«Бедные дети в лесу!

Кто им укажет дорогу?

Жалобный плач понесу

Тихо к родному порогу,

Ставнями стукну слегка,

Сам под окошком завою, –

Только немая тоска

К ним заберётся со мною.

Им непонятен мой зов.

Дети, обнявшись, заплачут.

Очи голодных волков

Между дерев замаячат».

□□Ветер в трубе

Плачет о чьей-то судьбе, –

□□Жалобно стонет,

Словно кого-то хоронит.

«Порой повеет запах странный...»

Порой повеет запах странный, –

Его причины не понять, –

Давно померкший, день туманный

Переживается опять.

Как встарь, опять печально всходишь

На обветшалое крыльцо,

Засов скрипучий вновь отводишь,

Вращая ржавое кольцо, –

И видишь тесные покои,

Где половицы чуть скрипят,

Где отсырелые обои

В углах тихонько шелестят,

Где скучный маятник маячит,

Внимая скучным, злым речам,

Где кто-то молится да плачет,

Так долго плачет по ночам.

«Полуночную порою...»

Полуночную порою

Я один с больной тоскою

Перед лампою моей.

Жизнь докучная забыта,

Плотно дверь моя закрыта, –

Что же слышно мне за ней?

Отчего она, шатаясь,

Чуть заметно открываясь,

Заскрипела на петлях?

Дверь моя, не открывайся!

Внешний холод, не врывайся!

Нестерпим мне этот страх.

Что мне делать? Заклинать ли?

Дверь рукою задержать ли?

Но слаба рука моя,

И уста дрожат от страха.

Так, воздвигнутый из праха,

Скоро прахом стану я.

«Идти б дорогою свободной...»

Идти б дорогою свободной, –
□□Да лих, нельзя.

Мой путь лежит в степи холодной;

□□Иду, скользя.

Вокруг простор, никто не держит,

□□И нет оков,

И Божий гнев с небес не вержет

□□Своих громов.

Но светлый край далёк отсюда,

□□И где же он?

Его приблизит только чудо

□□Иль вещей сон.

Он мне, как счастье, неведом:

□□Меня ведёт

Моя судьба звериным следом

□□Среди болот.

«Мне страшный сон приснился...»

Мне страшный сон приснился, –

Как будто я опять

На землю появился

И начал возрастать, –

И повторился снова

Земной ненужный строй

От детства голубого

До старости седой:

Я плакал и смеялся,

Играл и тосковал,

Бессильно порывался,

Беспомощно искал.

Мечтою облелеян,

Желал высоких дел, –

И, братьями осмеян,

Вновь проклял свой удел.

В страданиях усладу

Нашёл я кое-как,

И мил больному взгляду

Стал замогильный мрак, –

И, кончив путь далёкий,

Я начал умирать, –

И слышу суд жестокий:

«Восстань, живи опять!»

«О владычица смерть, я роптал на тебя...»

О владычица смерть, я роптал на тебя,

Что ты, злая, царишь, всё земное губя.

И пришла ты ко мне, и в сиянии дня

На людские пути повела ты меня.

Увидал я людей в озареньи твоём,

Омрачённых тоской, и бессильем, и злом.

И я понял, что зло под дыханьем твоим

Вместе с жизнью людей исчезает, как дым.

«Зачем, скажи...»

□□Зачем, скажи,

В полях, возделанных прилежно,

□□Среди колосьев ржи

Везде встречаем неизбежно

□□Ревнивые межи?

Одно и то же солнце греет

Тебя, суровая земля,

Один и тот же труд лелеет

Твои широкие поля.

Но злая зависть учредила,

Во славу алчности и лжи,

Неодолимые межи

Везде, где ты, земля, взрастила

Хотя единый колос ржи.

«Ангел мечты полуночной...»

□□□Ангел мечты полуночной,

После тоски и томленья дневного
В свете нездешнем явился ты мне.
□□□Я ли постигну, порочный,
Раб вождельня больного и злого,
Радость в наивном твоём полусне?
□□□Ясные очи упрёком
Рдеют, как майская полночь – грозюю.
Жаль мне до слёз непорочной мечты.
□□□Ты не миришься с пороком.
Знаю: я жизни и счастья не стою, –
О, если б смертью повеял мне ты!
«В амфоре, ярко расцвечённой...»
В амфоре, ярко расцвечённой,
Угрюмый раб несёт вино.
Неровен путь неосвещённый,
А в небесах уже темно, –
И напряжёнными глазами
Он зорко смотрит в полутьму,
Чтоб через край вино струями
Не пролилось на грудь ему.
Так я несу моих страданий
Давно наполненный фиал.
В нём лютый яд воспоминаний,
Таясь коварно, задремал.
Иду окольными путями
С сосудом зла, чтоб кто-нибудь
Неосторожными руками
Его не пролил мне на грудь.
«На ступени склонясь, у порога...»
На ступени склонясь, у порога
Ты сидишь, и в руке твоей ключ:
Отомкни только двери чертога,
И ты станешь богат и могуч!
Но отравлен ты злою тревогой
И виденьями дня опьянён,
И во всё, что мечталось дорогой,
Безнадёжно и робко влюблён.
Подойду я к пределу желаний
На заре беззаботного дня,
И жестокие дни ожиданий
Навсегда отойдут от меня.
Неужели тогда захочу я
Исполненья безумной мечте?
Или так же, безмолвно тоскуя,
Застоюсь на заветной черте?
«Надо мною, как облако...»
Надо мною, как облако
Над вершиной горы,
Ты пройдёшь, словно облако
Над вершиной горы,
В многоцветном сиянии,
В обаяньи святом,
Ты промчишься в сиянии,
В обаяньи святом.
Стану долго, безрадостный,
За тобою глядеть, –
Утомлённый, безрадостный,
За тобою глядеть,
Тосковать и печалиться,
Безнадёжно грустить,
О далёком печалиться,
О бесследном грустить.
«Опять в лазури ясной...»
Опять в лазури ясной,
Высоко над землёй
Дракон ползёт прекрасный,
Сверкая чешуёй.
Он вечно угрожает,

Свернувшись в яркий круг,
И взором поражает
Блестящих подруг.
Один царить он хочет
В эфире голубом,
И злые стрелы точит,
И мечет зло кругом.
«Я иду путём опасным...»
Я иду путём опасным
Над немой и тёмной бездной
С ожиданием напрасным
И с мечтою бесполезной.
К небесам не подымаю
Обольщённых бездной взоров, –
Я давно не понимаю
Правды царственных укоров.
Не клянусь я обольщенья,
Я туда смотрю, где мглою
Покрывается паденье
Камней, сброшенных ногою..
«В дубраве дом сосновый...»
В дубраве дом сосновый
□□Вблизи ручья.
Хозяин в нём суровый,
□□Один, как я.
Хранит в тоске ревнивой
□□Его земля.
Лежит он, терпеливый,
□□Как я, дремля.
И враг всегда лукавый,
□□С паденьем дня,
Восходит над дубравой,
□□Как у меня.
«Не надейся, не смущайся...»
Не надейся, не смущайся,
Преходящим не прельщайся,
Без печали дожидайся
Утешительного сна.
Всё, чем жизнь тебя манила,
Обмануло, изменило, –
Неизбежная могила
Не обманет лишь одна.
«Тепло мне потому, что мой уютный дом...»
Тепло мне потому, что мой уютный дом
Устроил ты своим терпеньем и трудом:
Дрожа от стужи, вёз ты мне из леса хворост,
Ты зёрна для меня бросал вдоль тощих борозд,
А сам ты бедствовал, покорствуя судьбе.
Тепло мне потому, что холодно тебе.
«Ты слышишь гром? Склонись, не смейся...»
Ты слышишь гром? Склонись, не смейся
Над неожиданной грозой,
И легковерно не надейся,
Что буря мчится стороной.
Уж демон вихрей мчится грозно,
Свинцовой тучей облачён,
И облака, что плыли розно,
К себе зовёт зарницей он.
Он налетит, гремя громами,
Он башни гордые снесёт,
Молниеносными очами
Твою лачугу он сожжёт.
«Солнце скупое и ленивое...»
Солнце скупое и лениво,
Стены тускло-холодны.
Пролетают торопливо
□□Дни весны, как сны.
Гулки улицы столицы,

Мне чужда их суета.
Мимолётнее зарницы
□□Красота-мечта, –
И, вдыхая запах пыли,
я, без думы и без грёз,
Смутно помню: где-то были
□□Слёзы вешних гроз.
«Чем звонче радость, мир прелестней...»
Чем звонче радость, мир прелестней
И солнце в небе горячее,
Тем скорбь дружнее с тихой песней,
Тем грёзы сердца холодней.
Холодный ключ порою жаркой
Из-под горы, играя, бьёт,
И солнца блеск надменно-яркий
Согреть не может ясных вод.
Земли таинственная сила
На свет источник извела,
И навсегда заворожила
От обаяния тепла.
«Под одеждою руки скрывая...»
Под одеждою руки скрывая,
Как спартанский обычай велит,
И смиренно глаза опуская,
Перед старцами отрок стоит.
На минуту вопросом случайным
Задержали его старики, –
И сжимает он что-то потайным,
Но могучим движеньем руки.
Он лисицу украл у кого-то, –
И лисица грызет ему грудь,
Но у смелого только забота –
Стариков, как и всех, обмануть.
Удалось! Он добычу уносит,
Он от старцев идет, не спеша, –
И живую лисицу он бросит
Под намет своего шалаша.
Проходя перед злою толпою,
я сурово печаль утаю,
Равнодушием внешним укрою
Ото всех я кручину мою, –
И пускай она сердце мне гложет,
И пускай её трудно скрывать,
Но из глаз моих злая не сможет
Унизительных слёз исторгать.
Я победу над ней торжествую
И уйти от людей не спешу, –
Я печаль мою злую, живую
Принесу к моему шалашу,
И под тёмным наметом я сброшу,
Совершив утомительный путь,
Вместе с жизнью жестокою ношу,
Истомившую гордую грудь.
«Мы шли вдвоём тропюю тесной...»
Мы шли вдвоём тропюю тесной,
□□Таинственный мой друг, –
И ни единый путь небесный,
□□И ни единый звук!
Дремало мёртвое болото,
□□Камыш угрюмый спал,
И впереди чернело что-то,
□□И кто-то угрожал.
Мы шли болотною тропюю,
□□И мертвенная мгла
Вокруг нас зыбкой пеленою
□□Дрожала и ползла.
К тебе я робко наклонился,
□□О спутник верный мой,

И странно лик твой омрачился
□□Безумною тоской.
Угрозой злую задрожали
□□Во мгле твои уста, –
И понял я: ты – дочь печали,
□□Полночная мечта.
«Прильнул он к решётке железной...»
Прильнул он к решётке железной
Лицом исхудалым и злым.
Блистающей, грозною бездной
Раскинулось небо над ним.
Струилась сырость ночная,
О берег плескалась река.
Решётку тоскливо сжимая,
Горела, дрожала рука.
Рвануться вперёд – невозможно,
В темнице – и ужас, и мгла...
Мечта трепетала тревожно,
Но злобы зажечь не могла.
«Над безумием шумной столицы...»
Над безумием шумной столицы
В тёмном небе сияла луна,
И далёких светил вереницы,
Как виденья прекрасного сна.
Но толпа проходила беспечно,
И на звёзды никто не глядел,
И союз их, вещающий вечно,
Безответно и праздно горел.
И один лишь скиталец покорный
Подымал к ним глаза от земли,
Но спасти от гибели чёрной
Их вещанья его не могли.
«Ты вознеслась, благоухая...»
Ты вознеслась, благоухая,
Молитва скорбная моя,
К дверям таинственного рая,
К святым истокам бытия.
Как раскалённое кадило,
Моя печаль в твоих руках
Багровый след свой начертила
На безмятежных небесах.
Но за возвышенной оградой
Была святая тишина,
Ни упованьем, ни отрадой
Тебя не встретила она.
«В бездыханном тумане...»
В бездыханном тумане,
Из неведомых стран
На драконе-обмане
Налетел великан.
Принахмурились очи,
Как бездомная ночь,
Но не видно в них мочи
Победить, превозмочь.
Он громадной рукою
Громового меча
Не подымет для бою,
Не взмахнёт им сплеча.
В бездыханном тумане,
Из неведомых стран
На драконе-обмане
Налетел великан.
«Забыты вино и веселье...»
Забыты вино и веселье,
Оставлены латы и меч, –
Один он идёт в подземелье,
Лампады не хочет зажечь.
И дверь заскрипела протяжно, –

В неё не входили давно.
За дверь и тёмно, и влажно,
Высоко и узко окно.
Глаза привыкают во мраке, –
И вот выступают сквозь мглу
Какие-то странные знаки
На сводах, стенах и полу.
Он долго глядит на сплетенье
Непонятых знаков, и ждёт,
Что взорам его просветленье
Всезрящая смерть принесёт.
«Стоит он, жаждой истомлённый...»
Стоит он, жаждой истомлённый,
Изголодавшийся, больной, –
Под виноградную лозой,
В ручей по пояс погружённый,
И простирает руки он
К созревшим гроздьям виноградным, –
Но богом мстящим, беспощадным
Навек начертан их закон:
Бегут они от рук Тантала,
И выпрямляется лоза,
И свет небес, как блеск металла,
Томит молящие глаза..
И вот Тантал нагнуться хочет
К холодной радостной струе, –
Она поет, звенит, хохочет
В недостигаемом ручье.
И чем он ниже к ней нагнётся,
Тем глубже падает она, –
И пред устами остаётся
Песок обсохнувшего дна.
В песок сыпучий и хрустящий
Лицом горячим он поник, –
И, безответный и хрипящий,
Потряс пустыню дикий крик.
«Громадный живот...»
□□Громадный живот,
Искажённое злобой лицо,
□□Окровавленный рот,
А в носу – золотое кольцо.
□□Уродлив и наг,
И вся кожа на теле черна, –
□□Он – кудесник и враг,
И свирепость его голодна.
□□На широком столбе
Он сидит, глядит на меня,
□□И твердит о судьбе,
Золотое копьё наклоня.
«Сразить не могу, –
Говорит, – не пришёл ещё срок.
□□Я тебя стерегу,
Не уйдёшь от меня: я жесток.
□□Копьё подыму,
Поражу тебя быстрым копьём,
□□И добычу возьму
В мой костьми изукрашенный дом».
«В весенний день мальчишка злой...»
В весенний день мальчишка злой
Пронзил ножом кору берёзы, –
И капли сока, точно слёзы,
Текли прозрачную струёй.
Но созидаящая сила
Ещё изникнуть не спешила
Из зеленеющих ветвей, –
Они, как прежде, колыхались,
И так же нежно улыбались
Привету солнечных лучей.

«Полдневный сон природы...»

Полдневный сон природы
И тих, и томен был, –
Светло грустили воды,
И тёмный лес грустил,
И солнце воздвигало
Блестящую печаль
И грустью обливало
Безрадостную даль.

«Передрассветный сумрак долог...»

Передрассветный сумрак долог,
И холод утренний жесток.
Заря, заря, раскинь свой полог,
Зажги надеждами восток.
Кто не устал, кто сердцем молод,
Тому легко перенести
Передрассветный долгий холод
В истоме раннего пути.
Но кто сжимает пыльный посох
Сухую старческой рукой,
Тому какая сладость в росах,
Заворожённых тишиной!

«Прощая жизни смех злорадный...»

Прощая жизни смех злорадный
И обольщенья звонких слов,
Я ухожу в долину снов,
К моей невесте беспощадной.
Она о муках говорит,
Её чертоги – место пыток,
Её губительный напиток
Из казней радости творит.

«Стояли клёны в тяжком забытии...»

Стояли клёны в тяжком забытии,
□□□цветы пестрели,
С травой шептались ясные ручьи,
□□□Струясь без цели,
Над нивой и рекой обрывки туч,
□□□Скользя, бежали,
И золотил их коймы поздний луч
□□□Зарёй печали.

«Мелькающие годы...»

Мелькающие годы,
Томителен ваш лад.
Как поздней непогоды
Тоскующий наряд.
Протягивая руки,
С надеждою в глазах,
Несбыточной науки
Я ждал в ночных путях, –
И чар полночных сила
Несла мне свой покой,
И сердце примирила
С безвыходной судьбой.
Но я, неблагодарный,
Уставши тайной жить,
С насмешкою коварной
Стал тайну поносить, –
И в мир полдневной скуки
Бежал поспешно я
От радостной науки
Ночного бытия.
И сердце взволновалось,
В огне внезапном кровь, –
Нежданная примчалась
Проказница-любовь.
Но крик её весёлый
Меня остановил,
И стан её дебёлый

Мечты мои убил.
Я робко отрекаюсь
От злых её тревог,
И быстро возвращаюсь
В полночный мой чертог.
«Друг мой тихий, друг мой дальний...»
Друг мой тихий, друг мой дальний,
□□Посмотри, –
Я холодный да печальный
□□Свет зари.
Я напрасно ожидаю
□□Божества, –
В бледной жизни я не знаю
□□Торжества.
Над землю скоро встанет
□□Ясный день,
И в немую бездну канет
□□Злая тень, –
И безмолвный, и печальный,
□□Поутру,
Друг мой тайный, друг мой дальний,
□□Я умру.
«Тень решётки прочной...»
Тень решётки прочной
Резким переплётом
На моём полу.
Свет луны холодной
Беспокойным летом
Падает во мглу.
Тучки серебристой
Вижу я движенья,
Вижу грусть луны.
Резок холод мглистый.
Страшно заточенье...
Неподвижны сны.
В голове склонённой
Созданы мечтою
Вольные пути,
Труд освобождённый,
Жизнь не за стеною...
Как же мне уйти?
Долетают звуки,
Льётся воздух влажный,
Мысли, как и там, –
Я тюремной муки
Плач и вопль протяжный
Ветру передам.
«Я шел безнадёжной дорогой...»
Я шел безнадёжной дорогой,
Когда ещё день не погас.
Горел во мне думою строгой
Вечерний томительный час.
И вдруг декорацией плоской
Мне всё показалось тогда, –
Заря протянулась полоской,
И блёсткой блеснула звезда,
И небо завесой висело,
Помостом лежала земля, –
Но тайная сила кипела,
Кулисы порой шевеля.
Она лицемерно таилась,
И меж декораций порой,
Невидима миру, грозилась
Предвечную, дикою мглой.
«Дорогой скучно-длинною...»
Дорогой скучно-длинною,
Безрадостно-пустынною,
Она меня вела,

Печалью изранила,
И разум отуманила,
И волю отняла.
Послушен ей, медлительной,
На путь мой утомительный
Не жалуясь, молчу.
Найти дороги торные,
Весёлые, просторные,
И сам я не хочу.
Глаза мои дремотные
В виденья мимолётные
Безумно влюблены.
Несут мои мечтания
Святые предвещения
Великой тишины.
«Жаркое солнце по небу плывёт...»
Жаркое солнце по небу плывёт.
Ночи земля утомлённая ждёт.
В теле – истома, в душе – пустота,
Воля почилла, и дремлет мечта.
Где моя гордость, где сила моя?
К низшим склоняюсь кругам бытия, –
Силе таинственной дух мой предав,
Жизнью, подобной томлению трав,
Тихо живу, и неведомо мне,
Что созревает в моей глубине.
«Для чего в этот пасмурный день...»
□□Для чего в этот пасмурный день
□□Вдохновенье венчало меня?
□□□Только смутная тень
□□На душе от порочного дня.
И напрасно кипит напряжённо мечта, –
□□Этот мир и суров, и нелеп:
□□Он – немой и таинственный склеп,
Над могилой, где скрыта навек красота.
□□Над могилой лампада горит, –
Но к чему мне её вопрошающий свет,
□□Если каменным холодом плит
Умерщвлённый кумир мой бездушно одет?
«Не понимаю, отчего...»
Не понимаю, отчего
В природе мертвенной и скудной
Встаёт какой-то властью чудной
Единой жизни торжество.
Я вижу вечную природу
Под неизбежной властью сил, –
Но кто же в бытие вложил
И вдохновенье, и свободу?
И в этот краткий срок земной,
Из вещества сложась земного,
Как мог обрести я мысль и слово,
И мир создать себе живой?
Окрест меня всё жизнью дышит,
В моей реке шумит волна,
И для меня в полях весна
Благоухания колышет.
Но не понять мне, отчего
В природе мёртвенной и скудной
Воссоздаётся властью чудной
Духовной жизни торжество.
«Царевной мудрой Ариадной...»
Царевной мудрой Ариадной
Царевич доблестный Тезей
Спасён от смерти безотрадной
Среди запутанных путей:
К его одежде привязала
Она спасительную нить, –
Перед героем смерть стояла,

Но не могла его пленить,
И, победитель Минотавра,
Свивая нить, умел найти
Тезей к венцу из роз и лавра
Прямые, верные пути.
А я – в тиши, во тьме блуждаю,
И в лабиринте изнемог.
И уж давно не понимаю
Моих обманчивых дорог.
Всё жду томительно: устанет
Судьба надежды хоронить,
Хоть перед смертью мне протянет
Путеводительную нить, –
И вновь я выйду на свободу,
Под небом ясным умереть
И, умирая, на природу
Глазами ясными смотреть.
«Что дорого сердцу и мило...»
Что дорого сердцу и мило,
Ревнивое солнце сокрыло
Блестящую ризой своей
□□От слабых очей.
В блаженном безмолвии ночи
К звездам ли подымутся очи, –
Отраден их трепетный свет,
□□Но правды в нём нет.
Сойду ли в подземные ходы,
Под мшистые, древние своды,
Является что-то и там
□□Пугливым очам.
Напрасно и очи закрою, –
Виденья встают предо мною,
И даже глубокие сны
□□Видений полны.
Явленья меня обступили,
И взор мой лучи ослепили,
Я мрака напрасно ищу
□□И тайно грущу.
«Больному сердцу любо...»
Больному сердцу любо
Строй жизни порицать.
Всё тело хочет грубо
Мне солнце пронизать,
Луна не обратилась
В алтарную свечу,
И всё навек сложилось
Не так, как я хочу.
Кто дал мне это тело
И с ним так мало сил,
И жаждой без предела
Всю жизнь меня томил?
Кто дал мне землю, воды,
Огонь и небеса,
И не дал мне свободы,
И отнял чудеса?
На прахе охладелом
Былого бытия
Природою и телом
Томлюсь безумно я.
«Кругом обставшие меня...»
Кругом обставшие меня
Всегда безмолвные предметы,
Лучами тайного огня
Вы осиянны и согреты.
Безумно-радостной мечтой
Себя пред вами забавляю, –
За вашей грубой пленой
Нездешний мир я различаю.

От места к месту я иду,
Природу строго испытую,
И сокровенного всё жду,
И с тем, что явлено, враждую.
Вовек, быть может, обрести
Предвечной тайны не сумею,
Но к ней ведущие пути
Я не исследовать не смею.
Иду в пустынные места,
Где жизнь всё та же, что и прежде,
И шуму каждого листа
Внимаю в трепетной надежде.
К закату дня устав искать,
Не находя моей святыни,
Спешу в мечтаниях создать
Черты таящейся богини.
Какой-то давний, вещий сон
Припоминаю слабо, смутно:
Вот, вот маячит в сердце он, –
И погасает поминутно...
Или надежды устремлять
К тебе, таинственно грядущей,
К тебе, святую благодать
Успокоения несущей?
И только ты в заветный срок,
Определив конец дорогам,
Меня поставишь на порог
Перед неведомым чертогом?
«Злое земное томленье...»
Злое земное томленье,
Злое земное житьё,
Божье ли ты сновиденье,
□□Или ничьё?
В нашем, в ином ли твореньи
К истине есть ли пути,
Или в бесплодном томленьи
□□Надо идти?
Чьим же творящим хотеньем
Неразделимо слита
С неутомимым стремленьем
□□Мира тщета?
«Полуночная жизнь расцвела...»
Полуночная жизнь расцвела.
На столе заалели цветы.
Я ль виновник твоей красоты,
Иль собою ты так весела?
В озарении бледных огней
Полуночная жизнь расцвела.
Для меня ль ты опять ожила,
Или я – только данник ночей?
Я ль тебя из темницы исторг
В озарение бледных огней?
Иль томленья томительных дней –
Только дань за недолгий восторг?
«Впечатления случайны...»
Впечатления случайны,
□□Знание ложно,
Проникать в святыне тайны
□□Невозможно.
Люди, стены, мостовые,
□□Колесницы, –
Всё докучные да злые
□□Небылицы.
С ними быть, – и лицемерить,
□□И таиться, –
Но не хочет сердце верить
□□И молиться.
«Я лицо укрыл бы в маске...»

Я лицо укрыл бы в маске,
Нахлобучил бы колпак,
И в бесстыдно-дикой пляске
Позабыл бы кое-как
Роковых сомнений стаю
И укоры без конца, –
Все, пред чем не поднимаю
Незакрытого лица.
Гулкий бубен потрясая
Высоко над головой,
Я помчался б, приседая,
Дробь ногами выбивая,
Пред хохочущей толпой.
Вкруг литого, золотого,
Недоступного тельца,
Отгоняя духа злого,
Что казнит меня сурово
Скудной краскою лица.
Что ж меня остановило?
Или это вражья сила
Сокрушила бубен мой?
Отчего я с буйным криком
И в безумии великом
Пал на камни головой?
«Поёт печальный голос...»
Поёт печальный голос
Про тишину ночную,
Глядит небесный лебедь
На линию земную.
На ней роса мерцает
От четырёх озёр.
В лазоревое море
Она подьёмлет взор.
Поёт печальный голос
О чём-то непонятном.
Пред смертью ль горний лебедь.
В пути ли невозвратном?
Она в печали нежной,
Она как снег бела,
Её волна колышет,
Её лелеет мгла.
Сон («в мире нет ничего...»)
В мире нет ничего
Вожделеннее сна, –
Чары есть у него,
У него тишина,
У него на устах
Ни печаль и ни смех,
И в бездонных очах
Много тайных утех.
У него широки,
Широки два крыла,
И легки, так легки,
Как полночная мгла.
Не понять, как несёт,
И куда, и на чём, –
Он крылом не взмахнёт,
И не двинет плечом.
«Устав брести житейскою пустыней...»
Устав брести житейскою пустыней,
□□□□Но жизнь любя,
Смотри на мир, как на непрочный иней,
□□□□Не верь в себя.
Разлей отраву дерзких отрицаний
□□□□На ткань души,
И чувство тождества своих сознаний
□□□□Разбить спешу.
Не верь, что тот же самый был ты прежде,

□□□□Что и теперь,
Не доверяйся радостной надежде,
□□□□Не верь, не верь!
Живи и знай, что ты живёшь мгновеньем,
□□□□Всегда иной,
Грядущим тайнам, прежним откровеньям
□□□□Равно чужой.
И думы знойные о тайной цели
□□□□Всебытия
Умрут, как звон расколотой свирели
□□□□На дне ручья.

«Расцветайте, расцветающие...»
Расцветайте, расцветающие,
Увядайте, увядающие,
Догорай, объятые огнём, –
Мы спокойны, не желающие,
Лучших дней не ожидающие,
Жизнь и смерть равно встречающие
С отуманенным лицом.
«Я лесом шёл. Дремали ели...»
Я лесом шёл. Дремали ели,
Был тощ и бледен редкий мох, –
Мой друг далёкий, неужели
Я слышал твой печальный вздох?
И это ты передо мною
Прошёл, безмолвный нелюдим,
Заворожённый тишиною
И вечным сумраком лесным?
Я посмотрел, – ты оглянулся,
Но промолчал, махнул рукой, –
Прошло мгновенье, – лес качнулся, –
И нет тебя передо мной.

Вокруг меня дремали ели,
Был тощ и бледен редкий мох,
Да сучья палые желтели,
Да бурелом торчал и сох.
«Не понять мне, откуда, зачем...»
Не понять мне, откуда, зачем
И чего он томительно ждёт.
Предо мною он грустен и нем,
□□И всю ночь напролёт
Он вокруг меня чем-то чертит
На полу чародейный узор,
И куреньем каким-то дымит,
□□И туманит мой взор.

Опускаю глаза перед ним,
Отдаюсь чародейству и сну, –
И тогда различаю сквозь дым
□□Голубую страну.
Он приникнет ко мне и ведёт,
И улыбка на мёртвых губах, –
И блуждаю всю ночь напролёт
□□На пустынных путях.
Рассказать не могу никому,
Что увижу, услышу я там, –
Может быть, я и сам не пойму,
□□Не припомню и сам.

Оттого так мучительны мне
Разговоры, и люди, и труд,
Что меня в голубой тишине
□□Волхвования ждут.

«Вне миров проносился...»
Вне миров проносился
Неразгаданный сон.
Никому не приснился
Никогда еще он.
Непреклонною волей
Он стремился вдали

От небесных раздолий
И от тесной земли.
Он бежал человека,
Бытия не желал,
Но от века до века
Всё кого-то искал.
«Не нашел я дороги...»
Не нашел я дороги,
И в дремучем лесу
Все былые тревоги
Осторожно несусь.
Все мечты успокоя,
Беспечален и нем,
Я заснувшего зоя
Не тревожу ничем.
Избавление чую,
Но путей не ищу, –
Ни о чём не тоскую,
Ни на что не ропщу.
«Покоя мёртвых не смущай...»
Покоя мёртвых не смущай, –
Засыпь цветами всю гробницу,
Но в равнодушную слезницу
Туманных взоров не склоняй.
Из замогильной мрачной дали
Не долетит, как ни зови,
Ответный стон её любви
На дикий вопль твоей печали.
«Быть с людьми – какое бремя!..»
□□Быть с людьми – какое бремя!
□□О, зачем же надо с ними жить!
□□Отчего нельзя всё время
Чары деять, тихо ворожить,
□□Погружаться в созерцанье
Облаков, и неба, и земли,
□□Быть, как ясное молчанье
Тихих звёзд, мерцающих вдали!
«Вот минута прощальная...»
Вот минута прощальная
До последнего дня...
Для того ли, печальная,
Ты любила меня?
Для того ли украдкою,
При холодной луне,
Ты походкою шаткою
Приходила ко мне?
Для того ли скиталася
Ты повсюду за мной,
И ночей дожидалася
С их немой тишиной?
И опять, светлоокая,
Ты бледна и грустна,
Как луна одинокая,
Как больная луна.
«Словами горькими надменных отрицаний...»
Словами горькими надменных отрицаний
Я вызвал Сатану. Он стал передо мной
Не в мрачном торжестве проклятых обаяний, –
Явился он, как дым, клубящийся, густой.
Я продолжал слова бесстрашных заклинаний, –
И в дыме отрок стал, прекрасный и нагой,
С губами яркими и полными лобзаний,
С глазами, тёмными призывною тоской.
Но красота его внушала отвращенье,
Как гроб раскрашенный, союзник злого тленья,
И нагота его сверкала, как позор.
Глаза полночные мне вызов злой метали,
И принял вызов я, – и вот, борюсь с тех пор

С царём сомнения и пламенной печали.

«Приучив себя к мечтаньям...»

Приучив себя к мечтаньям,
Неживым очарованиям
Душу слабую отдав,
Жизнью занят я минутно,
Равнодушно и попутно,
Как вдыхают запах трав,
Шелестящих под ногами
В полуночной тишине,
Отвечающей луне

Утомительными снами
И тревожными мечтами.

«Приподняла ты тёмный полог...»

Приподняла ты тёмный полог
И умертвила милый сон, –
Но свет очей моих недолог,
И днём я скоро утомлен.
И ты зовёшь меня напрасно
То к наслажденью, то к труду, –
Внимая зову безучастно,
Я за тобою не иду.

Напрасно в разные личины
Ты облакаешь прелесть дня, –

Твои восторги и кручины
Непостижимы для меня.
Воскреснет скоро сон-спаситель,
И, разлучив меня с тобой,
Возьмёт меня в свою обитель,
Где тьма, забвеньё и покой.

«Скучная лампа моя зажжена...»

Скучная лампа моя зажжена,
Снова глаза мои мучит она.

□□Господи, если я раб,
□□Если я беден и слаб,
Если мне вечно за этим стоном
Скучным и скудным томиться трудом,

□□Дай мне в одну только ночь

□□Слабость мою превозмочь
И в совершенном созданьи одном
Чистым навеки зажечься огнем.

«Холод повеял в окно...»

□□Холод повеял в окно, –

□□И затворилось оно.

Снова один я, и в мире живом,
И не обманут промчавшимся сном.

□□Снова я грустен и нем.

□□Где же мой кроткий Эдем?

Пёстрым узором напрасно дразня,
Тёмные стены глядят на меня.

□□Скучная лампа горит.

□□Скучная книга лежит.

«Там тишина с мечтой сплеталась...»

Там тишина с мечтой сплеталась
В кругу безветренных берёз,
И безнадежность улыбалась
Толпе больных и жалких грёз.
Хотело сердце лицемерить,
И очи – слёзы проливать,
И как-то странно было верить,
И как-то страшно было ждать.
И всё томительно молчало, –
Уже природа не жила,
И не стремилась, не дышала,
И не могла, и не была.

«Этот зыбкий туман над рекой...»

Этот зыбкий туман над рекой
В одинокую ночь, при луне, –

Ненавистен он мне, и желанен он мне
Тишиною своей и тоской.

Я забыл про дневную красу,
И во мглу я тихонько вхожу,
Еле видимый след напряжённо слежу,
И печали мои одиноко несусь.

«Отрок сидит у потока...»

Отрок сидит у потока.

Ноги целует волна.

Сказки о скрытом глубоко

Тихо лепечет она.

«Что же томиться тревогой,

Вздохи стесняя в груди!

Тихой подводной дорогой

Смело отсюда уйди.

Эти отребья пусть канут

В омут глубокий на дне.

Дивные дива предстанут

Перед тобой в глубине.

На землю там непохоже,

И далеко от небес.

Людям изведать негоже

Тайну подводных чудес.

Наши подводные чудеса,

Правда, нетрудно узнать,

Но уж вернуться оттуда

Ты не захочешь опять.

Все усмиривши тревоги,

Все успокоив мечты,

С тихой и тайной дороги

Век не воротись ты».

«В истоме тихого заката...»

В истоме тихого заката

Грустило жаркое светило.

Под кровлей ветхой гнулась хата,

И тенью сад приосенила.

Березы в нём угомонились

И неподвижно пламенели.

То в тень, то в свет переносились

Со скрипом зыбкие качели.

Печали ветхой злою тенью

Моя душа полуодета,

И то стремится жадно к тлени,

То ищет радостей и света.

И покоряясь вдохновенно

Моей судьбы предначертаньям,

Переношусь попеременно

От безнадёжности к желаньям.

«Ещё томительно горя...»

Ещё томительно горя,

Не умер тихий день.

Ещё усталая заря

Не вовсе погрузилась в тень, –

Но чуть заметный серп луны

Уже над миром занесён,

Уже дыханьем тишины

Простор полей заворожён.

И есть предчувствие во всём

Святых и радостных чудес, –

В дали долин, в тиши небес,

И в сердце трепетном моём;

И как далёкий, тихий звон, –

Дыханье вещей тишины;

И одинокий серп луны

Уже над миром занесён.

«Я душой умирающей...»

Я душой умирающей

Жизни рад и не рад,

И от бури вызывающей
Не ищу я оград.
Я беспечной улыбкою
Отвечаю грозе,
И покорностью зыбкою
Я подобен лозе.
Верю сказке божественной,
Вижу дивные сны.
Что мне радость торжественной
Нерастленной весны!
Что мне звёзды небесные,
Их таинственный строй!
Что мне торжища тесные
И телец золотой!
Горько пахнет известкою
В переулке моём.
Я дорогою жёсткою
Пробираюсь в мой дом.
Там дыхание ладана
Все мерещится мне.
Там святыня угадана
В неземной тишине.
Бесконечность страдания
В тех стенах вмещена,
И тоска умирания,
Как блаженство, ясна.
«Он шёл путём зелёным...»
Он шёл путём зелёным
В неведомую даль.
За ним с протяжным стоном
Влеклась его печаль,
Цеплялась за одежду,
Хотела удержать,
Последнюю надежду
Старалась отогнать.
Но тихие лампы
Архангелы зажгли,
Суля ему отрады
В неведомой дали.
И нежное дыханье
В безрадостную тьму
Блаженное мечтанье
Навевало ему.
«Ночь настанет, и опять...»
Ночь настанет, и опять
Ты придёшь ко мне тайком,
Чтоб со мною помечтать
О нездешнем, о святом.
И опять я буду знать,
Что со мной ты, потому,
Что ты станешь колыхать
Предо мною свет и тьму.
Буду спать или не спать,
Буду помнить или нет, –
Станет радостно сиять
Для меня нездешний свет.
«Проходил я мимо сада...»
Проходил я мимо сада.
Высока была ограда,
И затворены ворота.
Вдруг калитка предо мной
Отворилась и закрылась –
На мгновение мне явилось
Там, в саду зелёном, что-то,
Словно призрак неземной.
Вновь один я возле сада,
Высока его ограда,
Перед ней, за ней молчанье, –

Пыль и камни предо мной.
Я иду и верю чуду,
И со мной идёт повсюду
Бездыханное мечтанье,
Словно призрак неземной.
«Есть тайна несказанная...»
Есть тайна несказанная,
Но где, найду ли я?
Блуждает песня странная,
Безумная моя.
Дорогой незнакомя,
Среди немых болот
С медлительной истомою
Она меня ведет.
Мгновения бесследные
Над ней летят в тиши,
И спят купавы бледные,
И дремлют камыши.
Коса её запутана,
В ней жёсткая трава,
И, дикой мглой окутана,
Поникла голова.
Дорогой потаённую,
Среди немых болот,
Где ирис, влагой сонною
Напоенный, цветет.
Блуждает песня странная,
Безумная моя.
Есть тайна несказанная,
Её найду ли я?
«Мечтатель, странный миру...»
Мечтатель, странный миру,
Всегда для всех чужой,
Царящему кумиру
Не служит он хвалой.
Кому-то дымный ладан
Он жжёт, угрюм и строг,
Но миром не разгадан
Его суровый бог.
Он тайною завесил
Страстей своих игру, –
Порой у гроба весел
И мрачен на пиру.
Сиянье на вершине,
Садов цветущих ряд,
В прославленной долине
Его не веселят.
Поляну он находит,
Лишённую красы,
И там в мечтах проводит
Безмолвные часы.
«Круг начертан, и Сивилла...»
Круг начертан, и Сивилла
Предстоящим духам тьмы
Заклинанья совершила,
И теперь всесильны мы:
Нам послушны силы злые,
Близки мы и к небесам, –
Только б низменно-земные
Не подкрались чувства к нам,
Только б, волю дав мечтаньям,
И земную красоту
Подарив своим желаньям,
Вдруг, назло моим гаданьям,
Не шагнуть мне за черту.
«Темницы жизни покидая...»
Темницы жизни покидая,
Душа возносится твоя

К дверям мечтательного рая,
В недостижимые края.
Встречают вечные виденья
Её стремительный полёт,
И ясный холод вдохновенья
Из грёз кристаллы создаёт.
Когда ж, на землю возвращаясь,
Недостижимое тая,
Она проснётся, погружаясь
В туманный воздух бытия, –
Небесный луч воспоминаний
Внезапно вспыхивает в ней,
И злобный мрак людских страданий
Прорежет молнией своей.
«Гляжу на нивы, на деревья...»
Гляжу на нивы, на деревья,
На реки, доли, стены круч,
И на воздушные кочевья
Свинцовых и жемчужных туч, –
И терпеливою душою
Их тайну постигаю я:
За их завесою цветною
Родные снятся мне края.
«Надо мной голубая печаль...»
Надо мной голубая печаль,
И глядит она в страхе высоком
Полуночным таинственным оком
На земную туманную даль.
Бездыханно-холодные травы
Околдованы тихой луной,
И смущён я моей тишиной,
Но стези мои тайные правы.
Не об этом ли шепчут ручьи,
Что в моих неподвижных туманах
Беспорочно в томительных странах
Пронесу помышленья мои?
«К толпе непонятной и зыбкой...»
К толпе непонятной и зыбкой
Приветливо взоры склоня,
С балкона случайной улыбкой
Порадовал кто-то меня.
Заметил я смуглую щёку,
Волос распустившихся прядь, –
И шумному, злому потоку
Толпы отдаюсь я опять,
И в грохот и ропот столицы
Несу неожиданный свет.
Мечте исполнения нет,
Но радость моя без границы.
«Над усталую пустыней...»
Над усталую пустыней
Развернулся полог синий,
В небо вышел месяц ясный.
Нетревожный и нестранный.
Низошла к земле прохлада,
И повеяна отрада.
В мой шатёр, в объятья сна,
Тишина низведена.
С внешней жизнью я прощаюсь,
И в забвенья погружаюсь.
Предо мною мир нездешний,
Где ликует друг мой вешний,
Где безгрешное светило,
Не склоняясь, озарило
Тот нетленный, юный сад,
Где хвалы его звучат.
«В тишине бездыханной ночной...»
В тишине бездыханной ночной

Ты стоишь у меня за спиной,
Я не слышу движений твоих,
Как могила, ты тёмен и тих.
Оглянуться не смею назад,
И на мне твой томительный взгляд,
И, как ночь раскрывает цветы,
Что цветут для одной темноты, –
Так и ты раскрываешь во мне
Всё, что чутко живёт в тишине, –
И вошёл я в обитель твою,
И в кругу чародейном стою.
«Если б я был к счастью приневолен...»
Если б я был к счастью приневолен,
Если б я был негой опьянён,
Был бы я, как цвет тепличный, болен
И страстями безумными спалён.
Но легко мне: я живу печален,
Я суровой скорби в жертву дан.
Никаким желаньем не ужален,
Ни в какой не вдамся я обман.
И до дня, когда безмолвной тенью
Буду я навеки осенён,
Жизнь моя, всемирному томленью
Ты подобна, лёгкая, как сон.
«За мельканьем волшебных узоров...»
За мельканьем волшебных узоров
Я слежу в заколдованной мгле,
И моих очарованных взоров
Не прельщает ничто на земле.
Обаянья мои как вериги,
Я страданий моих не боюсь.
Мудрецам, изучающим книги,
Я безумцем порочным кажусь.
Но моя недоступна ограда,
Стережёт меня крепко печаль.
И в печали, и в тайне – отрада,
И надежд простодушных не жаль.
«Снова сердце жаждет воли...»
Снова сердце жаждет воли
Ненавидеть и любить,
Изнывать от горькой боли,
Преходящей жизнью жить,
Созидать себе обманы, –
Ряд земных туманных снов,
Незалеченные раны
Прятать в россыпи цветов, –
И томясь тоской щемящей
И желаньями полно,
Смерти, тайно предстоящей,
Устрашается оно.
«Тихо сумрак набегаёт...»
Тихо сумрак набегаёт,
Звучно маятник стучит,
Кто-то ясный к нам слетает,
О нездешнем говорит...
Там, снаружи, беспокойно:
Зажигаются огни,
И шумливо, и нестройно
Бродят призраки одни.
Милых образов не видно,
Всё туманно впереди,
И глядеть туда обидно, –
От окошка отойди,
Посиди со мною рядом.
Слышишь, – маятник стучит,
Кто-то кроткий, с ясным взглядом,
О нездешнем говорит.
«Прикасаясь холодной рукой...»

Прикасаясь холодной рукой
Осторожно к плечу моему,
Ты стоишь у меня за спиной
И зовёшь меня кротко во тьму, –
Прикасаясь к плечу моему
Повелительно-нежной рукой.
Но не смею я встать и сказать,
Что с тобою готов я идти
Безмятежное счастье искать
На последнем, на тайном пути, –
Я хочу за тобою идти,
Но не смею об этом сказать.
И к чему! Не исполнился срок,
Не настал заповеданный час,
Да и мой не окончен урок,
И огонь предо мной не погас, –
Не настал заповеданный час,
И земной не исполнился срок.

«Грустная светит луна...»

Грустная светит луна,
Плещется тихо волна,
И над рекою туман.
Тяжко задумался лес.
Хочется сердцу чудес,
Грезится милый обман.
Чутко иду над рекой, –
Шатки мостки подо мной,
Вижу я мелкое дно,
Тень утонула в реке,
Город за мной вдалеке,
Возле – молчанье одно.

«В путь пора – ладья готова...»

В путь пора – ладья готова.
Ляг в неё и почивай.
В ней от берега чужого
Уплывёшь в родимый край.
Не заботься о дороге,
Верь: прочна твоя ладья.
Ты проснёшься на пороге
Неземного бытия.

«Мимолётной лаской мая...»

Мимолётной лаской мая
Наслаждайтесь, – расцветая,
Увядая, умирая, –
Дней тоской не отравляя,
Всё вокруг себя любя,
Забывая про себя.
Птичьим звучным щебетаньем,
Молодым благоуханьем,
И полуденным сияньем,
И полуночным молчаньем
Наслаждайтесь, – краток срок.

Вечный отдых не далёк.

«Мечтаю небом и землёй...»

Мечтаю небом и землёй,
Восходом, полднем и закатом,
Огнём, грозой и тишиной,
И вешним сладким ароматом,
И промечтаю до конца,
И, мирно улыбаясь жизни,
Уйду к неведомой отчизне,
В чертоги мудрого Отца.

«Слабеют яростные стрелы...»

Слабеют яростные стрелы
□□Земных страстей.
Сомкни глаза. Близки пределы
□□Твоих путей.
Не обману тебя, больного, –

□□Утешься, верь, –
Из заточения земного
□□Открою дверь.
В твоей таинственной отчизне,
□□В краю святом,
Где ты покоился до жизни
□□Господним сном,
Где умирают злые шумы
□□Земных тревог, –
Исполнив творческие думы,
□□Почует Бог.
И ты взойдёшь, как дым кадильный,
□□В Его покой,
Оставив тлеть в земле могильной
□□Твой прах земной.
«Ты незаметно проходила...»
Ты незаметно проходила,
Ты не сияла и не жгла,
Как незажжённое кадило,
Благоухать ты не могла.
Твои глаза не выражали
Ни вдохновенья, ни печали,
Молчали бледные уста,
И от людей ты хоронилась,
И от речей людских таилась
Твоя безгрешная мечта.
Конец пришел земным скитаньям,
На смертный путь вступила ты.
И засияла предвещаньем
Иной, нездешней красоты.
Глаза восторгом загорелись,
Уста безмолвные зарделись,
Как ясный светоч, ты зажглась,
И, как восходит ладан синий,
Твоя молитва над пустыней,
Благоухая, вознеслась.
«Я зажгу восковую свечу...»
Я зажгу восковую свечу,
И к Творцу моему воззову,
Преклоняя главу и колени.
Бытия моего не хочу,
Жития моего не прерву,
До последней пройду все ступени.
Только воля Господня и есть,
И не я выбирал этот путь,
И куда он ведёт, я не знаю, –
И спешу я молитвы прочесть,
И не смею в ночи отдохнуть,
И главу, и колени склоняю.
«Что селения наши убогие...»
Что селения наши убогие,
Все пространства и все времена!
У отца есть обители многие, –
Нам неведомы их имена.
Но, предчувствуя райские радости,
Пред которыми жизнь – только сон,
Отрекаюсь от призрачной сладости,
Отвергаю томленье времён.
Увяданье, страданье и тление, –
Мне суровый венец вы сплели.
Не свершится завет воскресения
Никогда и нигде для земли.
«Имена твои не ложны...»
Имена твои не ложны,
Беспечальны, бестревожны, –
Велика их глубина.
Их немолчный темный шёпот,
Предвещательный их ропот

Как вместить мне в письма?
Имена твержу и знаю,
Что в ином ещё живу,
Бесполезно вспоминаю
И напрасно я зову.
Может быть, ты проходила,
Не жалела, но щадила,
Не желала, но звала,
Грустно взоры опускала,
Трав каких-то всё искала,
Находила и рвала.
Может быть, ты устремляла
На меня тяжелый взор
И мечтать не позволяла
Про победу и позор.
Имена твои все знаю,
Ими день я начинаю
И встречаю мрак ночной,
Но сказать их вслух не смею,
И в толпе людской немею,
И смущён их тишиной.
«В мерцаньи звёзд нисходит на меня...»
В мерцаньи звёзд нисходит на меня
Иных, нездешних дум святое обаянье.
Благословляю ночь за кроткое мерцанье
□□Небесного огня.
□□Мягутся там иные поколенья,
Но воля их и жизнь их нашей не чужда,
И где-то между них горит моя звезда
□□Заветом возрожденья.
□□Всё то, к чему в земной холодной мгле
Стремился долго я, стремился безнадежно,
Всё светит мне теперь так радостно и нежно
□□На той святой земле.
□□Подъемятся внимательные взоры
И там, как здесь мои, к далёким небесам,
И тайну дивную вещают также там
□□Бесстрастных звёзд узоры.
□□И к тем очам нисходит мой привет,
Моей земной души чистейшее дыханье,
Благословляю ночь за кроткое мерцанье,
□□За безмятежный свет.
«Звёзды, приветствуйте брата!..»
Звёзды, приветствуйте брата!
В вашей блаженной стране
Всё совершится когда-то,
Что б ни пригрезилось мне.
Бездна небес не преграда, –
Всё совершится опять.
Что ж из того, что мне надо
Здесь, на земле, почивать!
В вашей блаженной пустыне
Снова пригрезится мне
Всё, что мне грезится ныне
В этой безумной стране.
«Что вчера пробежало во мне...»
Что вчера пробежало во мне,
Что вчера называл я собою,
Вот оно в голубой вышине
Забелелось тучкой сквозною.
Тот порыв, что призывной тоской
В этом сердце вчера отозвался,
Это он перед близкой грозой
Над шумящею нивой промчался.
Та мечта, что в безрадостной мгле
Даровала вчера мне забвенья,
На иной и далёкой земле
Снова ищет себе воплощенья.

«К долине мрачной, под огнями...»
К долине мрачной, под огнями
Печальных и тревожных звёзд,
Моими знойными мечтами
Соорудил я гордый мост,
И, что ни ночь, к его воротам
Я торопился подойти.
Душою охладев к заботам
Дневного пыльного пути.
В долине той себе кумира
Я из печали сотворил,
И не искал иного мира,
Иных, блистательных светил.
«Ты печально мерцала...»
Ты печально мерцала
Между ярких подруг,
И одна не вступала
В их пленительный круг.
Незаметная людям,
Ты открылась лишь мне,
И встречаться мы будем
В голубой тишине,
И молчание ночи
Навсегда полюбя,
Я бессонные очи
Устремлю на тебя.
Ты без слов мне расскажешь,
Чем и как ты живёшь,
И тоску мою свяжешь,
И печали сожжёшь.
«Звезда Маир сияет надо мною...»
Звезда Маир сияет надо мною,
□□□Звезда Маир,
И озарён прекрасною звездою
□□□Далёкий мир.
Земля Ойле плывёт в волнах эфира,
□□□Земля Ойле,
И ясен свет блистающий Маира
□□□На той земле.
Река Лигой в стране любви и мира,
□□□Река Лигой
Колелет тихо ясный лик Маира
□□□Своей волной.
Бряцанье лир, цветов благоуханье,
□□□Бряцанье лир
И песни жён слились в одно дыханье,
□□□Хваля Маир.
«На Ойле далёкой и прекрасной...»
На Ойле далёкой и прекрасной
Вся любовь и вся душа моя.
На Ойле далёкой и прекрасной
Песней сладкогласной и согласной
Славит всё блаженство бытия.
Там, в сияньи ясного Маира,
Всё цветёт, всё радостно поёт.
Там, в сияньи ясного Маира,
В колыханьи светлого эфира,
Мир иной таинственно живёт.
Тихий берег синего Лигоя
Весь в цветах нездешней красоты.
Тихий берег синего Лигоя –
Вечный мир блаженства и покоя,
Вечный мир свершившейся мечты.
«Всё, чего нам здесь недоставало...»
□□□Всё, чего нам здесь недоставало,
Всё, о чём тужила грешная земля,
□□□Расцвело на вас и засияло,
О, Лигойские блаженные поля.

Этот мир вражда заполонила,
Этот бедный мир в унынье погружён,
Нам отрадна тихая могила,
И, подобный смерти, долгий, тёмный сон.

Но Лигой струится и трепещет
И благоухают чудные цветы,
И Маир безгрешный тихо блещет
Над блаженным краем вечной красоты.

«Мы скоро с тобою...»

Мы скоро с тобою
Умрём на земле, –
Мы вместе с тобою
Уйдём на Ойле.
Под ясным Маиром
Узнаем мы вновь,
Под светлым Маиром,
Святую любовь.
И всё, что скрывает
Ревниво наш мир,
Что солнце скрывает,
Покажет Маир.

«Мой прах истлеет понемногу...»

Мой прах истлеет понемногу,
Истлеет он в сырой земле,
А я меж звёзд найду дорогу
К иной стране, к моей Ойле.
Я всё земное позабуду,
И там я буду не чужой, –
Доверюсь я иному чуду,
Как обычаю земной.

«Бесстрастен свет с Маира...»

Бесстрастен свет с Маира,
Безгрешен взор у жён, –
В сиянии с Маира
Великий праздник мира
Отрадой окружён.
Далёкая отрада
Близка душе моей, –
Ойле, твоя отрада –
Незримая ограда
От суетных страстей.

«Когда звенят согласные напевы...»

Когда звенят согласные напевы
Ойлейских дев,
И в пляске медленной кружатся девы
Под свой напев, –
Преодолев несносные преграды,
И смерти рад,
Вперяю я внимательные взгляды
В их светлый град.
Отрад святых насытятся дуновеньем,
С тебя, Ойле,
Стремлюсь опять, окованный забвеньем,
К моей земле.

Во мгле земли свершаю превращенья.

Покорен я, –
И дней медлительных влачатся звенья,
О, жизнь моя!

«Час ночной отраден...»

Час ночной отраден
Для бесстрашного душой.
Воздух нежен и прохладен,
Тёмен мрак ночной.
Только звёзд узоры,
Да вдали кой-где огни
Различают смутно взоры.

Грусть моя, усни!

Вся обычность скрыта,

Тьмою скрыты все черты.
Ночь – безмолвная защита
□□Мне от суеты.
□□Кто-то близко ходит,
Кто-то нежно стережёт,
Чутких глаз с меня не сводит,
□□Но не подойдёт.
«Ты не заснула до утра...»
Ты не заснула до утра,
□□Грустя, благоухая,
О, непорочная сестра
□□Смещающегося мая!
Среди полей внимала ты
□□Полночному молчанью,
Полёту радостной мечты,
□□И звёздному сиянию.
И ночь, склонившись над тобой,
□□Сквозь ясные светила
Благословляющей росой
□□Окрест тебя кропила.
«В бедной хате в Назарете...»
В бедной хате в Назарете
Обитал ребёнок-Бог.
Он однажды на рассвете,
Выйдя тихо за порог,
Забавлялся влажной глиной, –
Он кускам её давал
Жизнь и образ голубиный,
И на волю отпускал, –
И неслись они далёко,
И блаженство бытия
Возвещала от востока
Новозданная семья.
О, Божественная Сила,
И ко мне сходила ты
И душе моей дарила
Окрылённые мечты, –
Утром дней благоуханных
Жизни трепетной моей
Вереницы новозданных
Назаретских голубей.
Ниспошли ещё мне снова
В жизнь туманную мою
Из томления земного
Сотворённую семью.
«Заря-заряница...»
□□Заря-заряница
□□Красная девица,
□□Мать Пресвятая Богородица!
По всей земле ходила,
Все грады посещала, –
В одно село пришла,
Все рученьки оббила,
Под окнами стучала,
Приюта не нашла, –
□□Заря-заряница
□□Красная девица,
□□Мать Пресвятая Богородица!
Её от окон гнали,
Толкали и корили,
Бранили и кляли,
И бабы ей кричали:
«Когда б мы всех кормили,
Так что б мы сберегли?»
Заря-заряница
Красная девица,
Мать Пресвятая Богородица!
Огонь небесный жарок.

Высок, далёк, да зорок
Илья, святой пророк.
Он встал, могуч и ярок,
И грозных молний сорок
Связал в один клубок.

☐☐Заря-заряница
☐☐Красная девица,
☐☐Мать Пресвятая Богородица!

По облачной дороге,
На огненной телеге,
С зарницей на дуге,
Помчался он в тревоге, –
У коней в бурном беге
По грому на ноге.

☐☐Заря-заряница
☐☐Красная девица,
☐☐Мать Пресвятая Богородица!

И вихри закружились,
И дубы зашатались,
И молнии зажглись,
И громы разразились, –
И люди испугались,
Молиться принялись:

«Заря-заряница

☐☐Красная девица,
☐☐Мать Пресвятая Богородица!»

Напрасные рыдания,
Напрасные моления, –
Гневлив пророк Илья.
Не будет сострадания
Для грешного селенья, –
Конец его житья!

☐☐Заря-заряница
☐☐Красная девица,
☐☐Мать Пресвятая Богородица!

Детей людских жалея,
Сказала Пресвятая:
«Уймись, пророк Илья.
Грешат, не разумея,
Грешат, не понимая,
Но всем простила я».

☐☐Заря-заряница
☐☐Красная девица,
☐☐Мать Пресвятая Богородица!

Перед Ильёю стала,
Словами не смирила,
Да с плеч своих сняла
Святое покрывало,
И всё село покрыла,
И всех людей спасла, –

☐☐Заря-заряница
☐☐Красная девица,
☐☐Мать Пресвятая Богородица!

«Путь мой трудный, путь мой длинный...»
Путь мой трудный, путь мой длинный.

Я один в стране пустынной,
Но услады есть в пути,
Улыбаюсь, забавляюсь,
Сам собою вдохновляюсь,
И не скучно мне идти.

Широки мои поляны,
И белы мои туманы,
И светла луна моя,
И поёт мне ветер вольный
Речью буйной, безглагольной
Про блаженство бытия.

«Где грустят леса дремливые...»
З. Н. Гиппиус

Где грустят леса дремливые,
Изнурённые морозами,
Есть долины молчаливые,
Зачарованные грозами.
Как чужда непосвящённому,
В сны мирские погружённому,
Их краса необычайная,
Неслучайная и тайная!
Смотрят ивы суковатые
На пустынный берег илистый.
Вот кувшинки, сном объятые,
Над рекой немой, извилистой.
Вот берёзки захирелые
Над болотную равниную.
Там, вдали, стеной несмелою
Бор с раздумьем и кручиною.
Как чужда непосвящённому,
В сны мирские погружённому,
Их краса необычайная,
Неслучайная и тайная!
«Восставил БОГ меня из влажной глины...»
Восставил БОГ меня из влажной глины,
□□Но от земли не отделил.
Родные мне – вершины и долины,
□□Как я себе, весь мир мне мил.
Когда гляжу на дальние дороги,
□□Мне кажется, что я на них
Все чувствую колёса, камни, ноги,
□□Как будто на руках моих.
Гляжу ли я на звонкие потоки, –
□□Мне кажется, что это мне
Земля несёт живительные соки,
□□Свои дары моей весне.
«Сияя счастьем самохвальным...»
Сияя счастьем самохвальным
Поспешно-зыбкой красоты,
По небесам моим печальным
Заря рассеяла цветы.
Повеял мирно вечер мгlistый
Забвеньем низменных тревог
И тонкой дымкой серебристой
Мои долины заволок.
Всё стало бытовым и тайным, –
Краса небес и дольный сон.
Ничем обычным и случайным
Покой души не возмущён.
«Какие-то светлые девы...»
Какие-то светлые девы
Сегодня гостили у нас.
То не были дочери Евы, –
Таких я не видывал глаз.
Я встретил их где-то далёко
В суровом лесу и глухом.
Бежали они одиноко,
Пугливо обнявшись, вдвоём.
И было в них много печали,
Больной, сиротливой, лесной,
И ноги их быстро мелькали,
Покрытые светлой росой.
Но руки их смелой рукою
Сложил я в спасающий крест,
И вывел их верной тропюю
Из этих пугающих мест.
И бедные светлые девы
Всю ночь прогостили у нас, –
Я слушал лесные напевы,
И сладкий, и нежный рассказ.

«Камыш качается...»

Камыш качается,
И шелестит,
И улыбается,
И говорит
Молвой незвонкою,
Глухой, сухой,
С дремою тонкою
В полдневный зной.
Едва колышется
В реке волна,
И сладко дышится,
И тишина,
И кто-то радостный
Несёт мне весть,
Что подвиг сладостный
И светлый есть.
На небе чистая
Моя звезда
Зажглась лучистая,
Горит всегда,
И сны чудесные
На той звезде, –
И сны небесные
Со мной везде.

«Я люблю мою тёмную землю...»

Я люблю мою тёмную землю,
И, в предчувствии вечной разлуки,
Не одну только радость приемлю,
Но, смиренно, и тяжкие муки. –
И во всём есть восторг и веселье,
Есть великая трезвость в мечтании,
И в обычности буйной – похмелье.
Преклоняюсь пред Духом Великим,
И с Отцом бытие моё слито,
И созданием Его многоликим
От меня ли единство закрыто!

«Чернеет лес по берегам...»

Чернеет лес по берегам.
Один сижу я в челноке,
И к неизвестным берегам
Я устремляюсь по реке.
На небе ясная луна,
А на реке туман встаёт.
Сияет ясная луна,
И кто-то за лесом поёт.
О, ночь, единственная ночь!
Успокоительная сень!
Как пережить мне эту ночь?
К чему мне свет? К чему мне день?

«Затаился в траве и лежу...»

Затаился в траве и лежу, –
И усталость мою позабыл, –
У меня ль недостаточно сил?
Я глубоко и долго гляжу.
Солнцем на небе сердце горит,
И расширилась небом душа,
И мечта моя ветром летит,
В запредельные страны спеша.
И на небе моём облака
То растают, то катятся вновь.
Позабыл, где нога, где рука,
Только в жилах торопится кровь.
«Всё хочет петь и славить Бога...»
Всё хочет петь и славить Бога, –
Заря, и ландыш, и ковыль,
И лес, и поле, и дорога,

И ветром зыблемая пыль.
Они зовут за словом слово,
И песню их из века в век
В иных созвучьях слышит снова
И повторяет человек.
«Какие слабые цветы!..»
Какие слабые цветы!
Над ними мчится ветер злобный,
Злорадно песнею надгробной
Пророча гибель красоты.
Не так же ль их, как нас, гнетёт
Слепой судьбы неумолимость, –
Но непреклонная решимость
В них созидает нежный плод!
«По жестоким путям бытия...»
По жестоким путям бытия
Я бреду, бесприютен и сир,
Но зато вся природа – моя,
Для меня наряжается мир.
Для меня в тайне вешних ночей,
Заливаясь, поют соловьи.
Как невольник, целует ручей
Запылённые ноги мои.
И светило надменное дня,
Золотые лучи до земли
Предо мною покорно склоня,
Рассыпает их в серой пыли.
«Люблю моё молчанье...»
Люблю моё молчанье
В лесу во тьме ночей
И тихое качанье
Задумчивых ветвей.
Люблю росу ночную
В сырых моих лугах
И влагу полевую
При утренних лучах.
Люблю зарёю алой
Весёлый холодок,
И бледный, запоздалый
Рыбачий огонёк.
Тогда успокоенье
Нисходит на меня,
И что мне всё томленье
Пережитого дня!
Я всем земным простором
Блаженно замолчу
И многозвёздным взором
Весь мир мой охвачу.
Закроюсь я туманом
И волю дам мечтам,
И сказочным обманом
Раскинусь по полям.
«Есть соответствия во всём...»
Есть соответствия во всём, –
Не тщетно простираем руки:
В ответ на счастье и на муки
И смех и слёзы мы найдем,
И если жаждем утешенья,
Бежим далёко от людей.
Среди лесов, среди полей
Покой, безмыслие, забвенье.
Ветвями ветер шелестит,
Трава травой так и пахнет.
Никто в изгнании не чахнет,
Не презирает и не мстит.
Так, доверяясь природе,
Наперекор судьбе, во всём
Мы соответствия найдём

Своей душе, своей свободе.
«Постройте чертог у потока...»
Постройте чертог у потока
В таинственно-тихом лесу,
Гонцов разошлите далёко,
Сберите живую красу, –
□□детей беспокровных,
□□Голодных детей
Ведите в защиту дубровных
□□Широких ветвей.
Проворные детские ноги
В зелёном лесу побегут
И в нём молодые дороги
□□Себе обретут,
Возделают детские руки
Эдем, для работы сплетясь, –
И зой их весёлые звуки
Окличет, в кустах притаясь.
«На меня ползли туманы...»
На меня ползли туманы
Заколдованного дня,
Чародейства и обманы
Выходили на меня,
Мне безликие грозили,
Мне полуденная мгла
Из дорожной серой пыли
Вихри зыбкие вила.
Но таинственное слово
Начертал я на земле, –
Обаянья духа злого
Робко замерли во мгле.
Без меча вошёл я смело
В ту заклятую страну,
Где так долго жизнь коснела
И покорствовала сну.
Вражья сила разливала
Там повсюду страх и тьму, –
Там царица почивала,
Сидя с прялкой в терему, –
Замерла у дивной пряжи
С нитью тонкою рука;
Ветер стих на буйном взмахе,
Ставнем двинувши слегка.
Я вошёл в её светлицу,
Победитель темных сил,
И красавицу-девицу
Поцелуем разбудил.
Очи светлые открыла,
И зарделась вдруг она,
И рукой перехватила
Лёгкий взмах веретена.
«Благословляю, жизнь моя...»
Благословляю, жизнь моя,
□□Твои печали.
Как струи тихого ручья,
Мои молитвы зазвучали.
Душевных ран я не таю,
Благословив моё паденье.
Как ива к тихому ручью,
К душе приникло умиление.
«Широкие улицы прямы...»
Широкие улицы прямы,
И пыльно, и мглисто в дали,
Чуть видны далёкие храмы, –
О, муза, ликуй и хвали!
Для камней, заборов и пыли
Напевы звенящие куй,
Забудь про печальные были, –

О, муза, хвали и ликуй!
Пройдут ли, внезапны и горды,
Дерзнувшие спорить с судьбой, –
Встречай опьяневшие орды
Напевом, зовущим на бой.
«Дети радостей и света...»
Дети радостей и света,
Нет границ вам, нет завета,
□□Нет помех, –
Вы и в городе храните,
На асфальте, на граните
□□Резвый смех.
Посреди толпы болтливой
Вы с улыбкою счастливой
□□Надо мной,
И за вашу оградой
В шумный мир иду с отрадой
□□Неземной.
«О, жизнь моя без хлеба...»
О, жизнь моя без хлеба,
Зато и без тревог!
Иду. Смеётся небо,
Ликует в небе БОГ.
Иду в широком поле,
В уныньи тёмных рощ,
На всей на вольной воле,
Хоть бледен я и тощ.
Цветут, благоухают
Кругом цветы в полях,
И тучки тихо тают
На ясных небесах.
Хоть мне ничто не мило,
Всё душу веселит.
Близка моя могила,
Но это не страшит.
Иду. Смеётся небо,
Ликует в небе БОГ.
О, жизнь моя без хлеба,
Зато и без тревог!
«Стальная решётка...»
Стальная решётка.
Здесь – пыль и каменья,
Там – сад и пруды,
Качается лодка,
Доносится пенье,
Алеют плоды.
По жёсткой дороге
Толпой богомольцы
Куда-то спешат.
В болтливой тревоге
Звенят колокольцы,
Колёса гремят.
В гамаке плетеном,
То вправо, то влево,
Крылом ветерка,
В приюте зелёном
Заснувшая дева
Качнется слегка.
«Я люблюсь людской красотой...»
Я люблюсь людской красотой,
Но не знаю, что стало бы с ней,
Вдохновенной и нежной такою,
Без дыхания жизни моей?
Обращаю к природе я взоры,
И склоняю внимательный слух, –
Только мой вопрошающий дух
Оживляет немые просторы, –
И, всемирною жизнью дыша,

Я не знаю конца и предела:
Для природы моей я – душа,
И она мне – послушное тело.
«Ты ко мне приходила не раз...»
Ты ко мне приходила не раз
То в вечерний, то в утренний час,
И всегда утешала меня.
Ты мою отгоняла печаль,
И вела меня в ясную даль,
Тишиной и мечтой осеня.
И мы шли по широким полям,
И цветы улыбались нам,
И, смеясь, лепетала волна,
Что вокруг нас – потерянный рай,
Что я светлый и радостный май,
И что ты – молодая весна.
«Ты ничего не говорила...»
Ты ничего не говорила, –
Но уж и то мне был укор.
К смиренным травам ты склонила
Твоё лицо и кроткий взор,
И от меня ушла неспешно,
Вдыхая слабый запах трав.
Твоя печаль была безгрешна,
И тихий путь твой нелукав.
«Засмеёшься ли ты, – мне невесело...»
Засмеёшься ли ты, – мне невесело,
Но печаль моя станет светла,
Словно бурное море завесила
Серебристая лёгкая мгла.
На меня ль поглядишь, – мне нерадостно,
Но печаль моя станет светла,
Словно к сердцу болящему сладостно
Благодать от небес низошла.
«Я напрасно хочу не любить...»
Я напрасно хочу не любить, –
И, природе покорствуя страстной,
□□ Не могу не любить,
Не томиться мечтою напрасной.
Чуть могу любоваться тобой,
И сказать тебе слова не смею,
□□ Но расстаться с тобой
Не хочу, не могу, не умею.
А настанут жестокие дни,
Ты уйдёшь от меня без возврата,
□□ О, зачем же вы, дни!
За утратой иная утрата.
«Под звучными волнами...»
Под звучными волнами
Полночной темноты
Далёкими огнями
Колеблются мечты.
Мне снится, будто снова
Цветёт любовь моя,
И счастья земного
Как прежде жажду я.
Но песней не бужу я
Красавицу мою,
И жажду поцелуя
Томительно таю.
Обвеянный прохладой
В немом её саду
За низкою оградой
Тихохонько иду.
Глухих ищу тропинок,
Где травы проросли, –
Чтоб жалобы песчинок
До милой не дошли.

Движенья замедляю
И песни не пою,
Но сердцем призываю
Желанную мою.
И, сердцем сердце чуя,
Она выходит в сад.
Глаза её тоскуя
Во тьму мою глядят.
В ночи её бессонной
Внезапные мечты, –
В косе незаплетённой
Запутались цветы.
Мне снится: перед нею
Безмолвно я стою,
Обнять её не смею,
Таю любовь мою.
«Для чего говорить! Холодны...»
Для чего говорить! Холодны
□□И лукавы слова,
Как обломки седой старины,
□□Как людская молва.
Для чего называть? Мы одни, –
□□Только зорями щёк,
Только молнией глаз намекни, –
□□И пойму я намёк.
И во мне, точно в небе звезда,
□□Затрепещет опять,
Но того, что зажжётся тогда,
□□Не сумею назвать.
«Оболью горячей кровью...»
Оболью горячей кровью,
Обовью моей любовью
□□Лилию мою.
В злом краю ночной порою
Утаю тебя, укрою
□□Бледную мою.
Ты моя, и отнимая
У ручья любимца мая,
□□Лилия моя,
Я пою в ночах зимовья
Соловьём у изголовья,
□□Бледная моя.
«Близ одинокой избушки...»
Близ одинокой избушки
Молча глядим в небеса.
Глупые стонут лягушки,
Мочит нам платье роса.
Все отсырели дороги, –
Ты не боишься ничуть,
И загорелые ноги
Так и не хочешь обуть.
Сердце торопится биться, –
Твой ожидающий взгляд
Рад бы ко мне обратиться, –
Я ожиданию рад.

Комментарии

Печатается по:

Сологуб Федор. Пламенный круг. Стихи. Книга восьмая. М., 1908.

Сологуб Федор. Собрание сочинений: в 20 т. т. 1. Лазурные горы. СПб.: Сирин, 1913.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://sologubfyodor.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных

Собрание стихотворений. Том 2. Пламенный круг. Лазурные горы. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!